

Сильная, страшная, великолепная книга, вызывающая историю
о любви, искусстве и одержимости.

ПОЛА ХОКИНС, автор романа «ДЕВУШКА В ПОЕЗДЕ»

МАСТЕРСКАЯ КУКОЛ

САМАЯ БОЛЬШАЯ ЦЕННОСТЬ –
СВОБОДА

Элизабет Макнилл
Мастерская кукол

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Макнилл Э.

Мастерская кукол / Э. Макнилл — «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102204-4

Рыжеволосая Айрис работает в мастерской, расписывая лица фарфоровых кукол. Ей хочется стать настоящей художницей, но это едва ли осуществимо в викторианской Англии. По ночам Айрис рисует себя с натуры перед зеркалом. Это становится причиной ее ссоры с сестрой-близнецом, и Айрис бросает кукольную мастерскую. На улицах Лондона она встречается художника-прерафаэлиты Луиса. Он предлагает Айрис стать натурщицей, а взамен научит ее рисовать масляными красками. Первая же картина с Айрис становится событием, ее прекрасные рыжие волосы восхищают Королевскую академию художеств. Но еще у нее появляется поклонник Сайлас Рид — чудака из лавки редкостей, страстный коллекционер. Ни Луис, ни Айрис пока не подозревают, что он жаждет сделать девушку жемчужиной своей коллекции.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-102204-4

© Макнилл Э., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Лондон, ноябрь 1850	5
Портрет	5
Часть первая	6
Лавка редкостей и курьезов Сайласа Рида	6
Маленький оборванец	11
Кукольный магазин миссис Солтер	12
Щенок	17
Юная художница	21
Великая выставка	26
Карманник	30
Великие расходы	33
П.Р.Б.	37
Ссора	42
Часть вторая	52
Мегалозавр	52
Переписка	57
Фабрика	59
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Элизабет Макнилл

Мастерская кукол

Лондон, ноябрь 1850

Портрет

Когда улицы Лондона становятся темны и на них опускается тишина, юная девушка на цыпочках спускается в подвал кукольной мастерской и садится за древнее бюро. Перед ней лежит раскрашенная фарфоровая голова куклы – лежит и смотрит в пустоту пустым взглядом ярко-зеленых глаз. Девушка выдавливает немного белой и розовой акварели в устричную раковину, задумчиво слюнявит кончик кисти и поправляет зеркало на подставке. Негромко потрескивает свеча. Девушка щурится и глядит на лежащий перед ней лист бумаги.

Наконец она добавляет в раковину немного воды и тщательно смешивает краски, пытаясь получить телесный тон. Первый, неуверенный, мазок ложится на бумагу. Толстая полугладкая бумага холодной прессовки не коробится от воды.

Колышутся вместе с пламенем свечи тени. Они становятся то короче, то длиннее, и тогда темно-рыжие волосы девушки почти сливаются с темнотой подвала. Еще мазок. Еще... На бумаге появляются очертания подбородка и скул. На них падает свет, и девушка добавляет белой краски, старательно выписывая собственное лицо, отражающееся в зеркале: широко расставленные глаза, лоб, резкий изгиб деформированной ключицы... Наверху, в комнатах над лавкой, спят сестра молодой художницы и хозяйка мастерской, и даже чуть слышное шуршание кисти кажется ей оглушительным, способным разбудить обеих.

Нахмутив брови, девушка рассматривает портрет. Она допустила ошибку, сделала лицо слишком маленьким. Ей хотелось написать его во весь лист, но не вышло; теперь оно занимает верхнюю треть листа, словно паря над пустым белым пространством. Напрасно она поторопилась и не сделала предварительный набросок. Теперь драгоценный лист бумаги, на которую она потратила все, что сумела сэкономить за неделю, безнадежно испорчен.

Или нет?..

Несколько секунд она сидит неподвижно, разглядывая портрет. Ее сердце стучит громко и часто, взгляд блестящих кукольных глаз гипнотизирует. Она знает, что должна вернуться в спальню, пока ее не хватились, но...

Не отрывая взгляда от зеркала, девушка наклоняется вперед и придвигает свечу поближе. Это не дешевая сальная, а настоящая восковая свеча, которую она потихоньку стащила из хозяйкиных запасов. Обмакнув палец в горячий воск, девушка лепит из него колпачок, а потом заносит руку над пламенем. Ей хочется знать, как долго она сможет терпеть жар. Пляшут по стенам тени, чуть слышно трещит, стгорая, рыжеватый пушок на тыльной стороне ладони...

Часть первая

*Несомненно, в этом сердце обитает нечто неподвластное гибели,
а жизнь – больше, чем мечта.*

*Мэри Уолстонкрафт, «Письма, написанные во время короткого
путешествия по Швеции, Норвегии и Дании», (1796)*

В прекрасном – радость без конца, без края,

Прекрасное живёт, не умирая.

Оно растёт и ширится, благое,

Стоит на страже нашего покоя.

Дж. Китс, «Эндимион»¹

Лавка редкостей и курьезов Сайласа Рида

Сайлас сидел за верстаком, держа перед собой чучело голубки. В подвале было тихо, как в могиле, и только дыхание самого Сайласа чуть колыхало перья на чучеле. Их движение создавало иллюзию жизни, и казалось, будто птица вот-вот раскроет серый с жемчужной восковицей клюв и полетит на Темзу клевать на отмелях устриц и рачков.

Во время работы Сайлас сильно вытягивал губы, однако при свете лампы его нельзя было назвать некрасивым. Ему уже исполнилось тридцать восемь, однако его волосы были по-прежнему густы и их совершенно не тронула седина. Вот он ненадолго поднял голову, машинально скользнув взглядом по полкам и стеллажам, на которых выстроились разнокалиберные стеклянные сосуды с бумажными этикетками. В них в мутном растворе соли и квасцов плавают законсервированные «образцы» – разбухшие новорожденные ягнята, змеи, котята, ящерицы, кролики и другие. Они давно мертвы, но кажется, будто они так и льнут к пыльному стеклу, стараясь рассмотреть, что же происходит снаружи, за стенками их стеклянных узилищ.

– Только попробуй теперь от меня улететь, мошенница!.. – пробормотал Сайлас и, вооружившись щипцами, потуже закрутил на ножках птицы проволоку, закрепляя чучело на деревянной подставке. Ему нравилось разговаривать со своими изделиями, выдумывать истории о том, как и почему то или иное живое существо оказалось на верстаке в его подвальной мастерской. Размышляя о судьбе голубки, он перебрал несколько разных сценариев: то ему казалось, что она совершала налеты на плывущие по каналу баржи с зерном, то он решал, что птица, себе на беду, свила гнездо в снастях стоящего на Темзе «Одиссея». В конце концов Сайлас остановился на варианте, который пришелся ему по душе больше остальных, и несколько раз упрекнул голубку в том, что она усвоила привычку нападать на торгующих водяным кресс-салатом детей.

Теперь чучело было готово, и Сайлас, удовлетворенно вздохнув, поставил его на верстак.

– Ну вот!.. – сказал он и, откинувшись на спинку стула, отвел с лица упавшие на глаза волосы. – Надеюсь, теперь ты уже никогда не сможешь выхватывать пучки салата из рук маленьких озябших девочек, которые пытаются заработать себе на кусок хлеба!

Своей работой Сайлас остался доволен, хотя ему и пришлось поторапливаться, чтобы закончить ее в срок. Да и заказчик – он не сомневался – тоже будет рад: чучело выглядело как живое. Чуть приподнятые крылья голубки расходились цифрой V, и казалось, будто она летит, а легкий наклон вперед еще усиливал это впечатление. Кроме того, Сайласу досталось

¹ Пер. Евг. Фельдмана. (Здесь и далее – прим. переводчика.)

голубиное сердце, лежавшее теперь в стеклянной банке с консервирующим раствором, в котором плавало уже больше двух десятков побуревших овальных сердец, – их охотно покупали для опытов аптекари и шарлатаны-врачи.

Некоторое время Сайлас прибирался в мастерской, потом тщательно вытер инструменты и аккуратно разложил на столе. Пора было возвращаться в лавку. Он поднялся почти до половины ведущей наверх лестницы и, держа чучело в руках, толкнул плечом крышку люка, когда в подвале пронзительно задребезжал звонок.

Час был еще ранний, но Сайлас надеялся, что это Альби. Поспешно выбравшись из подвала, он накрыл люк ковром из оленьей шкуры, поставил готовое чучело на шкаф и пошел к дверям. Быть может, думал Сайлас, как раз сегодня произойдет то, о чем он мечтал: мальчишка наконец-то принесет небывалый, удивительный образец – таинственное существо, которое Сайлас не мог себе даже представить. Последние находки Альби никуда не годились; по большей части это были кишасшие червями дохлые крысы, облезлые кошки с разможенными черепами и погибшие под колесами голуби с переломанными крыльями («Ах, если бы вы только знали, сэр, как трудно было их найти! Сборщики костей успевают собрать все самое лучшее!»). Между тем для того, чтобы коллекция выдержала испытание временем и прославилась в веках именем своего создателя, Сайласу необходимо было что-то совершенно необычное, можно даже сказать – исключительное.

Размышляя об этом, Сайлас вспомнил историю одной хлебобулочной пекарни на Стрэнде, владельцем которой едва сводил концы с концами, выпекая из непросеянной муки твердые как булыжники караваи, годные лишь на то, чтобы подпирать ими двери в жаркую погоду. Булочнику уже грозила долговая тюрьма, когда он додумался вымачивать клубнику в сахарном сиропе и продавать в маленьких стеклянных банках. В короткое время захудалая пекарня стала широко известна, теперь о ней даже упоминалось в городских туристических брошюрках. Что-то в этом роде необходимо было и Сайласу – что-то уникальное и неповторимое, что сделает его коллекцию известной. Несколько раз ему даже казалось, будто он нашел это что-то, – нашел свою засахаренную клубничину, – однако, когда работа над образцом подходила к концу, Сайласа одолевали сомнения и он начинал хотеть чего-то другого. Врачи-анатомы и крупные коллекционеры, которыми он всегда восхищался – образованные люди вроде Джона Хантера² и Эстли Купера³, – не имели недостатка в образцах для своих исследований. Бывая в пабах напротив Университетского колледжа⁴, Сайлас частенько прислушивался к разговорам студентов-медиков, обсуждавших утренние вскрытия, и испытывал жгучую зависть. Разумеется, его возможности были куда как скромнее, и все же он верил, что однажды Альби непременно – *непременно!* – принесет ему что-то замечательное. Тогда он сразу станет знаменит, а имя Сайласа Рида украсит собой мемориальную доску перед входом в музей, где будут выставлены его работы, а его талант и усилия наконец-то будут признаны всеми. Не раз он представлял себе, как Флик, возлюбленная подруга его детства, поднимается вместе с ним по крутым каменным ступеням и в восхищении замирает перед мраморной мемориальной доской, на которой высечено его имя. Не в силах сдержать восторга, она крепко обнимет его, а он скажет, что все это он делал только ради нее.

Но когда Сайлас открыл дверь, на пороге стоял вовсе не Альби. Это была всего лишь горничная, которая пришла за заказанным ее госпожой чучелом колибри для шляпки. Следом за горничной явился мальчишка в бархатном жилете, который бесконечно долго рассматривал прилавки и в конце концов купил жалкую брошку с крыльями бабочки, которую Сайлас, с трудом сдерживая презрение и разочарование, едва не швырнул ему в лицо. Потом пришел еще

² Джон Хантер – шотландский хирург, считавшийся одним из самых видных ученых и хирургов своего времени.

³ Эстли Купер – английский врач, хирург.

⁴ Университетский колледж – медицинский колледж Лондонского университета.

кто-то, и с каждым стуком в дверь его раздражение делалось все сильнее. Полученные гроши он складывал в кошелёк из собачьей кожи, а в перерывах между покупателями водил пальцем по одному и тому же предложению в «Ланцете»⁵, пытаясь понять его суть: «...Ново... но-во-обра-зо-вани-е, раз-де-ля-ю-щее ладье... ладьевид... ладьевидные кости сто-пы...»... Звонки, стук в дверь, снова звонок, несколько часов, проведенных в темной подвальной мастерской да необходимость каждый вечер подниматься в спальню над лавкой – вот из чего состояла его жизнь.

Нет, это просто возмутительно, думал Сайлас, окидывая крошечную лавку мрачным взглядом. Торгуешь сушей ерундой, чтобы иметь возможность просто оплачивать аренду! Увы, вкусы покупателей оставляли желать много лучшего. Большинство клиентов были просто неспособны оценить подлинные сокровища: столетний череп льва, веер из китового легкого, чучело мартышки под стеклянным колпаком и многое другое. Почти все они, едва переступив порог, сразу бежали к массивному шкафу из красного дерева в глубине лавки, за стеклянными дверями которого хранились бабочки, точнее – их багряные и золотые крылья, которые Сайлас додумался помещать между гладкими, тонкими стеклышками. Некоторые из них могли сгодиться в качестве кулонов, большинство же предназначались для того, чтобы держать их в качестве украшения на комод, на каминной полке или на туалетном столике. Сам Сайлас считал крылья глупыми безделушками, которые каждый, у кого достанет воображения, мог бы сделать сам. Увы, те вещи, которые нравились ему самому, покупали разве что аптекари да художники.

Только когда часы пробили одиннадцать, он услышал несильный стук в дверь и тихое позвякивание колокольчика в подвальной мастерской (он нарочно провел звонок именно туда, потому что, увлекшись работой, мог и не услышать, как стучат в дверь). Сайлас бросился открывать. Разумеется, это мог быть очередной праздный зевака, у которого завелся лишний пенни, и даже если это был Альби, его появление вовсе не означало, что мальчишка отыскал что-то интересное. В последний раз он принес летучую мышь с переломанными крыльями, дохлую галку и бродячую собаку, годную только на рагу, – и все же сердце Сайласа произвольно забилося быстрее.

На сей раз предчувствие его не обмануло. Это действительно был мальчишка.

– А-а, Альби... – проговорил Сайлас, открывая входную дверь, в которую тотчас начал просачиваться желтоватый городской туман – печально знаменитый «гороховый суп» с Темзы. – Принес что-нибудь?

Десятилетний сорванец дерзко ухмыльнулся в ответ («Я знаю, что мне десять, сэр, потому что я родился в тот самый день, когда наша королева выходила замуж за принца Альберта»). Во рту у него оставался только один зуб, который торчал из верхней челюсти, словно виселица посреди площади.

– Принес, сэр. У меня есть для вас отличная зверушка! Такой у вас еще не было.

Сайлас бросил взгляд вдоль переулочка, застроенного мрачными, ветхими домами, которые кренились в разные стороны, точно подвыпившие матросы. Переулок казался безлюдным, и он удовлетворенно кивнул.

– Ну, показывай, что там у тебя... – И Сайлас слегка ущипнул мальчишку за подбородок – пусть знает, кто здесь главный. – Задняя нога мегалозавра или, может быть, голова русалки?..

– Для русалок погода не та, сэр. Знаете, какая холоднющая вода в Риджентс-канале? А вот второе существо... Этот ваш мега... мегаза... В общем, он просил передать, что вы сможете забрать его рога, как только он их сбросит.

– Очень любезно с его стороны.

Альби громко высморкался в рукав.

⁵ «Ланцет» – еженедельный журнал для медицинских работников, основан в 1823 г.

– Но я все равно принес вам кое-что интересненькое. Это настоящие драгоценности, сэр, просто бриллианты! И я не расстанусь с ними меньше чем за два шиллинга. Только предупреждаю, товарец не рыжий, как вы любите... – С этими словами мальчуган развязал веревку, стягивавшую горловину его мешка, и запустил руку внутрь. Сайлас с жадностью следил за его движениями. В воздухе распространился чуть сладковатый гнилостный запах, и он прикрыл нос ладонью – запаха мертвечины Сайлас не любил. В его лавке было чисто и прохладно, как в операционной или в аптеке, и почти не пахло ни угольным дымом, ни старым мехом, ни пылью от чуел, не говоря уже о смраде разлагающейся плоти. Сайлас терпеть не мог этот запах и сражался с ним не жалея сил. В кармане жилета он всегда носил миниатюрный флакончик с лавандовым маслом, которое, если капнуть им на верхнюю губу, позволяло не замечать вонь, но сейчас ему не хотелось совершать лишние движения и отвлекать Альби, который и так был не способен сосредоточиться на предмете разговора дольше, чем прыгающая с места на место блоха.

Мальчишка подмигнул.

– Настоящее сокровище, сэр! – повторил он, крепко сжимая горловину мешка, словно там было что-то живое.

Сайлас попытался пренебрежительно усмехнуться, но вышло не слишком натурально. Он не любил, когда маленький оборванец пытался его заинтересовать. Глупые ужимки уличного бродяги возвращали Сайласа в собственное детство, когда ему приходилось таскать через весь двор к печам тяжелые глиняные капсулы для обжига керамики, попутно уворачиваясь от материнских тумачков, от которых болели руки и плечи. Порой Сайлас даже спрашивал себя, действительно ли ему удалось оставить ту давнюю жизнь в прошлом, и если да, то почему он позволяет этому однозубому беспризорнику водить себя за нос?

Но Сайлас ничего не сказал. Ему даже удалось изобразить зевок, однако краем глаза он продолжал поглядывать на мешок в руках Альби. Сайлас даже не мигал – мальчишке все-таки удалось не на шутку его заинтриговать.

Альби снова ухмыльнулся и наконец раскрыл мешок. Заглянув внутрь, Сайлас увидел двухдохлых щенков.

То есть в первое мгновение ему *показалось*, будто перед ним два щенка, но когда он наклонился, чтобы взять их в руки, то заметил всего один загривок, одну шею и одну голову. Череп был еще не сросшийся и состоял словно бы из отдельных пластин.

Сайлас негромко ахнул, потом улыбнулся и провел кончиком пальца по голове щенка, нащупывая теменной шов. Он хотел убедиться, что это не трюк. Альби был вполне способен с помощью иголки и нитки сшить вместе двух собак в надежде выманить у него несколько лишних монет. Подняв странного щенка повыше, Сайлас поднес его к свету газовой лампы, согнул и разогнул суставы всех восьми ног, нащупал под шкурой мягкие кругляши позвонков.

– Вот это уже на что-то похоже! – проговорил он наконец. – Это совсем другое дело!

– Щенок стоит два шиллинга, сэр! – поспешно сказал Альби. – Дешевле не отдам.

Рассмеявшись, Сайлас вынул кошелек из собачьей кожи.

– Один шиллинг, и не больше! А еще можешь войти и посмотреть мою лавку, – добавил он, но Альби решительно затряс головой и слегка попятился. По лицу его скользнуло какое-то странное выражение, несколько похожее на страх, которое, впрочем, тут же исчезло, когда Сайлас сунул ему в руку монету. Мальчишка прочистил горло и презрительно харкнул на мостовую.

– Один шиллинг?! Вы что, хотите, чтобы я околел с голода?..

Но Сайлас уже закрыл дверь и не отозвался, даже когда мальчишка забарабанил по ней кулаками. Облокотившись на шкаф, он опустил взгляд, желая убедиться, что удивительные щенки никуда не пропали у него из рук. Они были на месте, и Сайлас прижал их к груди, как ребенок прижимает любимую игрушку, ласково поглаживая все восемь мохнатых лап. Похоже,

щенки не прожили на этом свете и одной минуты, даже не сделали первого вдоха, но это не имело никакого значения.

Маленький оборванец

Только когда Сайлас закрыл дверь, Альби немного успокоился. Сунув монету в рот, он прикусил ее своим единственным зубом. Зачем он это сделал, мальчик не знал – просто он видел, что так часто делает его сестра. Платой мальчишка был доволен – получить *два* шиллинга он не очень-то и рассчитывал. Ведь как оно в жизни устроено?.. Если требуешь два шиллинга, то получишь шиллинг; что же будет, если попросить шиллинг?.. Пожав плечами, Альби выплюнул монету в ладонь и спрятал поглубже в карман. На эти деньги он купит порцию вареных свиных ушей себе на обед, а остальное отдаст сестре.

Но сначала ему нужно было сделать еще одно дело.

Кроме мешка, предназначенного для *Мертвечины*, у него был с собой мешок поменьше, сшитый из грубого холста. В нем лежали крошечные кукольные юбочки и кофточка, которые Альби шил несколько ночей подряд. Каждый раз, заходя в кукольную лавку, куда он сдавал готовую работу, мальчик старался быть очень внимательным, чтобы не перепутать мешки, и все равно каждый раз ему казалось, что он ошибся, и тогда у него замирало сердце от страха. Меньше всего ему хотелось видеть, каким будет выражение лица у старой миссис Солтер, когда вместо кукольных одежек она увидит в мешке кишящих личинками дохлых крыс.

Слегка подув на руки, чтобы хоть немного их согреть, Альби сорвался с места. Из всех сил работая тонкими кривыми ногами, он стремительно пронесся по извилистым грязным улочкам и пересек заваленный кучами навоза Сохо, то и дело перепрыгивая через лужи мочи и стараясь не обращать внимания на оборванных, неряшливых проституток, которые из-под опущенных век следили за его бегом, как кот наблюдает за мухой. Выбежав на Риджент-стрит, мальчик не удержался и бросил взгляд на лавку, где продавались зубные протезы – четыре гиней за комплект. Машинально коснувшись кончиком языка своего единственного резца, Альби пересек улицу прямо перед носом у запряженной в экипаж лошади. Напуганная лошадь едва не поднялась на дыбы. Альби испугался не меньше ее, но сумел обуздать свой страх, закричав кучеру:

– Смотри куда едешь, болван!..

И прежде чем кучер успел обругать его в ответ или огреть кнутом, Альби был уже на противоположной стороне улицы – на пороге кукольной лавки миссис Солтер.

Кукольный магазин миссис Солтер

Держа в руках миниатюрную юбочку, Айрис вела ногтем большого пальца вдоль швов, готовясь раздавить спрятавшуюся в ткани вошь или блоху. Заметив висящую нитку, она послушила ее конец и аккуратно завязала.

Несмотря на то что был уже почти полдень, хозяйка заведения миссис Солтер еще спала, но Роз, сестра Айрис, уже сидела на своем стуле, склонившись над шитьем.

– Что ж, по крайней мере на этот раз ты не принес нам никаких насекомых, – сказала Айрис. – Но впредь не оставляй свободных ниток, милый. В городе полно швей, каждая из которых готова продать собственного ребенка, лишь бы получить такую работу, как у тебя.

– Но, мисс, моя сестра больна. У нее жар, и мне пришлось сидеть с ней всю ночь, а я уже несколько дней не ходил на каток. Это несправедливо!..

– Бедняжка! – Айрис обернулась через плечо, но ее сестра, казалось, с головой ушла в работу. – Ты прав, это, конечно, очень несправедливо, – добавила она, понизив голос, – только нашей миссис Солтер наплевать на какую-то там справедливость, ведь это не женщина, а сам дьявол в юбке. Ты когда-нибудь видел ее язык?

Альби покачал головой.

– Так вот, он у нее раздвоенный, как у змеи.

При этих ее словах мальчишка улыбнулся такой открытой, такой бесхитростной улыбкой, что Айрис захотелось крепко его обнять. Его спутанные светлые волосы, рот с единственным зубом и испачканное сажей лицо – все это не имело для нее значения. В каком-нибудь другом мире Альби вполне мог появиться на свет в их семье в Хэрни и быть ее братом.

Айрис вручила мальчугану свежий кусок ткани и, убедившись, что Роз по-прежнему не обращает на них внимания, сунула ему в руку шестипенсовик. Это были ее собственные деньги, которые она откладывала, чтобы купить кисти и бумагу, но...

– Вот, возьми. Купи своей сестре горячего бульона.

Альби нерешительно уставился на деньги.

– Бери-бери, это не шутка, – сказала Айрис.

– Огромное спасибо, мисс. – Глаза мальчика потемнели, и он стремительно выхватил монету из рук Айрис, словно боясь, что она передумает. В следующее мгновение он уже выскок из магазина, едва не сбив с ног шарманщика-итальянца. Шарманщик замахнулся на него тростью, но Альби был уже далеко.

Айрис проводила его взглядом и только потом перевела дух. Она знала, что Альби – просто маленький оборванец, поэтому от него не следует ожидать соблюдения даже элементарных правил гигиены. И все же она никак не могла понять, почему от него всегда так сильно пахнет мертвечиной.

Кукольный магазин миссис Солтер на Риджент-стрит («Кукольный эмпорий», как значилось на вывеске) втиснулся аккурат между двумя конкурирующими между собой кондитерскими, поэтому в торговом зале, где сидели девушки, постоянно пахло жженым сахаром и горячей карамелью. Запах этот просачивался сквозь трещины в стенах и дымоходе и был буквально вездесущ. Иногда, когда он становился особенно сильным, Айрис снилось, что она ест конфеты, сливовое желе и крошечные кексы со взбитыми сливками или едет в Букингемский дворец на пряничных слонах, расписанных глазурью. Впрочем, гораздо чаще ей снилось, будто она тонет, захлебываясь в кипящей патоке.

Когда сестры Уиттл только поступили ученицами в магазин миссис Солтер (была ли хозяйка когда-нибудь замужем, так и осталось для них тайной), торговый зал буквально ошеломил Айрис. Она была уверена, что из-за их с Роз дефектов (у самой Айрис с младенчества была деформирована ключица, а лицо сестры изуродовали страшные рубцы – следы перенесенной оспы) хозяйка поместит их где-нибудь в подвальном складе, но ошиблась. Вместо этого обеих девушек усадили за позолоченное бюро в самом центре торгового зала, где покупатели могли наблюдать за их работой. Айрис получила коробку порошковых красок и несколько кистей из лисьего волоса, чтобы раскрашивать фарфоровые лица, руки и ноги кукол. Работа была кропотливой и утомительной, но в первые дни Айрис не замечала трудностей. Ее буквально зачаровали стоящие вдоль стен шкафы из драгоценного эбенового дерева, полки которых были буквально забиты фарфоровыми куклами в роскошных шелковых и атласных нарядах. Кроме того, в зале было светло и тепло, в позолоченных держателях горели белые восковые свечи, а в камине уютно потрескивал огонь.

Но сейчас, сидя рядом с сестрой за рабочим столом с фарфоровой куклой и подвылезшей кистью в руках, Айрис изо всех сил старалась подавить зевоту. Чудовищная усталость грузом повисала на плечах, заставляя ее сильно сутулиться: порой Айрис казалось, что она уставала бы гораздо меньше даже работай она на фабрике. Руки ее покраснели и потрескались от зимнего холода, но, если Айрис натирала их салом, кисть начинала скользить в пальцах, и тогда она рисковала испортить кукольные губы или румянец на фарфоровых щеках. Шкафы вдоль стен оказались вовсе не из эбенового дерева, а из обыкновенного дуба, выкрашенного дешевой черной краской. От жара горящих свечей золотистый лак на подсвечниках потрескался и облез, а на ковре на полу – там, где каждый день ходила миссис Солтер, – ворс вылез и сделался таким же редким, как волосы на голове хозяйки магазина. Сочащиеся из трещин в стенах запахи и копоть, духота и промозглая сырость зала, а также ряды кукол на полках придавали магазину сходство со склепом, и Айрис, которой каждый вздох давался с огромным трудом, все чаще казалось, будто она похоронена здесь заживо.

– Мертвый или живой?.. – шепотом спросила Айрис у своей сестры-близняшки, придвинув поближе дагерротип, на котором был изображен ребенок: невыразительное неподвижное личико в пене кружев, аккуратно сложенные на коленях ручки, тщательно наглаженное платьице.

– Тише ты!.. – прошипела в ответ Роз, потому что как раз в этот момент в зал вошла миссис Солтер – вошла и уселась на стул у двери, с треском раскрыв на коленях большую Библию.

Айрис поспешно опустила голову. Угадывать, мертвый или живой ребенок изображен на дагерротипе, по которому изготавливалась на заказ очередная кукла, было одним из немногих доступных сестрам развлечений, хотя в каждом подобном случае Айрис чувствовала себя немного виноватой. В самом деле, одно дело – расписывать куклу, с которой будет возиться живой и резвый ребенок, и совсем другое – изготовить игрушку, которая будет сидеть на надгробном камне в качестве посмертного подарка умершей девочке или мальчику. Между тем львиную часть своего дохода миссис Солтер получала именно делая портретные куклы мертвых детей, а поскольку нынешняя зима выдалась на редкость холодной, дети простужались и умирали чаще обычного, и обеим девушкам в кукольном магазине приходилось трудиться не покладая рук. Порой Айрис и Роз не вставали со своих мест по двадцать часов кряду вместо обычных двенадцати. «Вполне понятно и естественно, – объясняла им миссис Солтер своим «особым» голосом, предназначенным для общения с клиентами, – что люди хотят почтить память ушедшего от них малютки. В конце концов, даже у апостола Павла в «Послании к коринфянам» сказано: «мы ходим верою, а не видением... и желаем лучше выйти из тела и

водвориться у Господа»⁶. Душа ребенка вознеслась на небеса, а кукла осталась как символ того плотяного сосуда, который она некогда населяла».

Догадаться, изображен ли на дагерротипе живой или мертвый ребенок, было не просто, но со временем Айрис определила для себя несколько признаков, по которым можно было довольно быстро решить эту задачу. Например, если малыш выглядел спящим и лежал в окружении бумажных кружев и цветов, он почти наверняка был мертв. Мертвого ребенка, запечатленного в сидячем положении, выдавала подпорка за спиной или даже удерживавший его человек, который часто был одет таким образом, чтобы сливаться с драпировками, служившими в качестве фона. Наконец, был еще один верный признак: живой ребенок не мог оставаться абсолютно неподвижным столько времени, сколько требовала экспозиция при дагерротипии, поэтому такой отпечаток неизбежно оказывался слегка смазанным в отдельных деталях, и только снимки мертвецов, неподвижно глядевших прямо перед собой, выглядели противостоительно четкими.

– Это живая девочка, – решила наконец Айрис. – И очень терпеливая. У нее только глаза немного расплылись, а все остальное вышло достаточно четко.

– Эй, прекратите болтать! – злобно прикрикнула на девушек миссис Солтер. – Работайте!

Резкий голос хозяйки заставил Айрис ниже наклонить голову. Старательно смешивая краски, чтобы сделать чуть темнее сомкнутые губы куклы, она пыталась не смотреть на миссис Солтер, боясь, что та разозлится еще больше и ущипнет ее за кожу на внутренней стороне локтя. Это было обычное наказание, которого сестры удостоивались достаточно часто, а пальцы у миссис Солтер были словно щипцы для колки сахара.

День за днем Айрис и Роз сидели, склоняясь над своей работой, делая небольшой перерыв только на обед, состоявший из чашки крепкого говяжьего бульона и хлеба. Айрис красила фарфоровые лица, приклеивала куклам парички из настоящих волос, а иногда, если у ребенка на дагерротипе были кудряшки, завивала их с помощью железных щипцов, которые разогревала на решетке камина. Роз в основном шила. Иголка в ее руках мерно двигалась вверх и вниз, словно смычок в руках скрипача. Ее работа заключалась в том, чтобы отделять грубые юбки и платья, которые изготавливали неквалифицированные портнихи, крошечными рюшами и кружевами, украшать корсажи речным жемчугом и стеклярусом и пришивать к одежде крошечные, как мышинные носы, пуговицы, обтянутые тонким бархатом.

Айрис и Роз были близняшками, однако сходства между ними было немного. С самого детства Роз слыла красавицей и была любимицей матери и отца. Зная это, она и вела себя соответственно. Деформированная ключица Айрис – врожденный дефект, из-за которого ее левое плечо казалось наклоненным вперед, – вызывало у сестры покровительственное чувство. Но Айрис это только раздражало. «Я не калека! Я нормальная!» – сердито восклицала она, когда Роз пыталась забрать у нее пакеты с продуктами, купленными в зеленой или рыбной лавке. Бывало, сестры даже ссорились, но их соперничество не превращалось в ненависть: они спорили, кто дальше прыгнет, кто аккуратнее напишет домашнее задание, иногда даже дрались за добавочную порцию картофельного пюре, но каждое столкновение непременно заканчивалось примирением, и перед сном обе часто сидели у камина, обнявшись и мечтая о маленьком магазинчике, который они надеялись когда-нибудь открыть.

Но потом все изменилось, и изменилось в худшую сторону. Когда сестрам исполнилось по шестнадцать лет, Роз заболела оспой, которая едва ее не убила. Жаль, что не убила, сказала Роз, когда, едва оправившись от болезни, увидела в зеркале молочно-белое бельмо на левом глазу и изрытую глубокими гнойными язвами кожу. Со временем язвы поджили, но после них на лице Роз остались глубокие, уродливые ямы, а кожа на ногах и плечах, которую она до крови расчесывала ногтями, сделалась багрово-красной и покрылась беловатыми шрамами. «Ну за

⁶ 2-е Кор. 5:7 и 5:8.

что, за что мне такое наказание?! – в отчаянии восклицала Роз каждый раз, когда оказывалась перед зеркалом, а однажды добавила так тихо, что Айрис сначала подумала – ей это послышалось: – Боже, почему я, а не она?!..»

Сейчас сестрам было по двадцати одному году. У обеих были очень красивые густые медно-каштановые волосы, но Роз носила их распущенными, прикрывая свои изрытые оспинами щеки. Айрис, напротив, заплетала волосы в тугую косу до пояса длиной, так что ее моршно-белая, удивительно гладкая кожа сразу бросалась в глаза. Теперь сестры больше не болтали друг с другом, не обменивались секретами. О собственной лавке они тоже не вспоминали. Иногда, проснувшись утром, Айрис замечала, что сестра глядит на ее лицо с таким непроницаемо-холодным выражением, что ей становилось не по себе.

Время шло к вечеру, и Айрис начала клевать носом. Ее веки словно налились свинцом, глаза закрывались сами собой, к тому же миссис Солтер как раз разговаривала с клиенткой, и ее монотонный голос действовал на Айрис усыпляюще.

– ...Каждую куклу мы изготавливаем с особым тщанием и любовью, – льстиво ворковала хозяйка. – Мы используем самый лучший, самый тонкий фарфор с северных фабрик... Да-да, у нас почти семейное предприятие, мы – как одна семья... Очень скромные, очень тихие девочки, не то что эти нахальные торговки из Крэнборна... никакого понятия о чести и порядочности...

Чтобы не уснуть и не упасть со стула, Айрис отчаянно щипала себя за колени, и все-таки ей все больше казалось, что с ее стороны не будет таким уж большим преступлением, если она ненадолго вздремнет прямо за столом.

– Боже мой, Роза!.. – шепотом воскликнула она, когда сестра довольно сильно толкнула ее под ребра. – Ну у тебя и локти! Твердые, ну просто камень!

– Скажи спасибо, что я тебя разбудила. Если бы миссис Солтер заметила, что ты спишь за работой...

– Я просто не в силах удержаться, – пожаловалась Айрис. – Сегодня меня так и клонит в сон!

Роз не ответила, сосредоточенно ковыряя подсохшую болячку на руке.

– Скажи, что бы ты сделала, если бы мы смогли вырваться отсюда? Если бы нам не нужно было каждый день...

– Сбежать?.. – перебила сестра сердитым шепотом. – Ну и чем бы ты тогда занималась? Бросила бы меня, а сама стала шлюхой?

– Конечно, нет! – прошипела в ответ Айрис. – Я хотела бы стать художницей и рисовать настоящие вещи, а не эти бесконечные глаза, губы и щеки. Я бы... – Она непроизвольно сжала кулаки с такой силой, что ногти глубоко вонзились в ладонь. Боль заставила ее опомниться и подумать о тех страданиях, которые причиняют сестре эти слова. Айрис с трудом разжала пальцы.

С другой стороны, подумала она, это ведь не ее вина, что Роз заболела. И тем не менее сестра каждый день наказывает ее за это, наказывает своей нелюбовью.

– Просто мне иногда кажется, что я долго не выдержу. Мы здесь как в... в логове сатаны!

При этих словах миссис Солтер – хотя она и находилась на другом конце торгового зала – резко обернулась и нахмурилась. Роз вздрогнула и уколола палец иглой.

Входная дверь громко стукнула на сквозняке. Айрис всмотрелась в закопченные окна, за которыми бушевала непогода. По улице чередой катились блестящие от дождевой воды экипажи, и Айрис подумала о тех знатных леди, которые сидят внутри в уютном полумраке, словно гусеницы в коконе.

Потом она прикусила губу, добавила на палитру немного голубой краски и снова обмакнула кисть в банку с водой.

Щенок

– Ах ты, мерзкий щенок! – ласково сказал Сайлас, склоняясь над рабочим столом в подвале. – Поверь, мне жаль, что для тебя все кончилось так плохо, но ты сам виноват. Если бы ты не сожрал марципаны, которые приготовил для гостей шеф-повар, все могло бы обернуться иначе.

Отбросив со лба волосы, Сайлас сам рассмеялся своей выдумке, одновременно раскладывая на столешнице хирургические ножи разной формы и размера. Щенок – точнее, два сросшихся вместе щенка (теперь он видел это совершенно отчетливо) – был распластан перед ним брюхом вверх. Час был поздний, но Сайлас даже не думал об отдыхе. В самом деле, какой может быть сон, когда у него есть эта удивительная вещь!

Сначала он хотел поместить щенков в консервирующий раствор целиком, но потом решил изготовить два экспоната вместо одного. Из шкуры он сделает чучело, а кости соединит проволочками, чтобы получился скелет. И когда он откроет свой собственный музей из чистого мрамора (именно «когда», а не «если»; даже в мыслях Сайлас не позволял себе в этом сомневаться), он выставит чучело странного щенка прямо в фойе, в стеклянной витрине, окруженной стройными белоснежными колоннами.

Несмотря на ноябрьский холод, пот струился по его лбу, и Сайлас вытер его платком. Несколько раз разогнув и согнув пальцы, словно для того, чтобы придать им большую гибкость, он взял в руку самый большой нож и сделал первый неглубокий надрез в паху левого щенка. Кожа легко разошлась под острым лезвием, и Сайлас, взявшись за край, осторожно потянул, стараясь действовать без рывков и не прилагать слишком большое усилие. На лбу у него выступило еще несколько крупных капель пота, которые скатились вниз, запутавшись в бровях. Сайлас перевел дух, негромко присвистнул сквозь зубы и снова взялся за скальпель. Он действовал очень осторожно, стараясь не рассечь мышцы и не повредить располагающиеся под ними внутренние органы: кишечник, желудок и легкие, укрытые тонкой пурпурной пленкой. На секунду он отвлекся, чтобы снова вытереть лоб, потом передвинул щенка на дюйм в сторону, чтобы на него падал свет. По мере того как разрез на животе удлинялся, снимать шкуру становилось все легче и легче. Вооружившись ножом с длинным и узким лезвием, Сайлас аккуратно подрезал ее на всех восьми лапах, стараясь дотянуться до самых подушечек. Точно так же он поступил с головой, остановившись только у самого носа – широкого, ромбовидного, с четырьмя ноздрями. Тени, которые отбрасывали его собственные руки, усложняли работу, и Сайлас, вооружившись самым маленьким из ножей, стал действовать еще медленнее и аккуратнее. Снаружи уже сгустились ранние ноябрьские сумерки, когда ему удалось, наконец, снять всю шкуру целиком.

– Ох уж эти гости!.. Можно подумать, им было мало свежих фруктов из теплицы да взбитых сливок, подавай им еще и марципаны! – пробормотал Сайлас, снова возвращаясь к своей фантазии. – И никто, никто не пожалел маленького милого щенка, который просто созорничал, – добавил он, представив себе, какое замечательное чучело может у него получиться. Ах, если бы только Гидеон мог видеть его сейчас, подумал Сайлас. Он был бы просто поражен тем мастерством, какого ему удалось добиться за прошедшие пятнадцать лет!.. Да что там, он бы просто лопнул от зависти!

Думать о том, насколько он превзошел этого шута горохового, было приятно, но Сайлас постарался отогнать от себя все мысли о Гидеоне. Наступал самый ответственный момент, однако эта часть работы нравилась ему больше всего. Перед ним лежал весьма многообещающий труп, и он должен был, так сказать, раскрыть его потенциал. Правда, не раз случалось и так, что ожидания Сайласа не оправдывались, но сейчас он был уверен, что ничего подобного не произойдет, – и упивался своей властью. Восторг, который он испытывал перед тем, как

сделать первый надрез, до сих пор был таким же сильным, как и много лет назад, когда Сайлас нашел свой первый череп. «Идем со мной», – сказал он в тот день Флик, когда они после работы вместе вышли за ворота гончарной мастерской. И она не сказала «нет», вот только в конце концов Сайлас почему-то оказался за городом один.

Именно тогда, блуждая среди полей и перелесков, он наткнулся на разложившийся труп лисы. Зрелище было настолько отвратительное, что его едва не вырвало, но Сайлас только зажал ладонью рот и смотрел, смотрел до тех пор, пока не заметил, что уцелевшие обрывки лисьего меха были того же удивительного красно-золотого оттенка, что и волосы Флик. Это открытие заставило его позабыть об отвращении и о тяжелом трупном запахе. Словно зачарованный, Сайлас присел на корточки рядом с мертвым животным, пораженный совершенством и изяществом лисьего скелета. Изгиб позвоночника казался ему безупречным, каждая тонкая косточка выглядела как фрагмент изысканнейшей головоломки. Когда-то это существо было живым, подумал Сайлас, оно бегало, дышало и питалось, а теперь застряло на половине пути между красотой и кошмаром.

В задумчивости он коснулся кончиками пальцев белеющей лобной кости лисы, потом прижал руку к собственному лбу.

После этого Сайлас каждый день навещал труп, следя за неторопливой, тщательной работой муравьев, червей и личинок, которые уничтожали шкуру и внутренности, пока среди травы не забелели голые кости. Это был медленный процесс; наблюдать за ним было все равно что смотреть, как распускается цветочный бутон, но терпения Сайласу было не занимать. Кроме того, во время каждого визита к трупу он подмечал что-то новое: правильный геометрический рисунок реберной решетки, удивительную хрупкость бедренных костей, тонкие и извилистые, как драгоценное кружево, черепные швы. Не удержавшись, он щелкнул по кости ногтем, череп отозвался приглушенным звоном.

Когда последние ошметки мяса исчезли и череп как следует высох на солнце, Сайлас завернул его в тряпку, отнес домой и спрятал.

В то лето Сайлас много раз пускался в путешествия по окрестностям, где он надеялся найти новые экземпляры для своей коллекции. Он обливался потом от жары, кожу слоями покрывала дорожная пыль, но его усилия были вознаграждены. Вскоре у него было уже пятнадцать черепов. Он налаживал силки и даже сделал себе лук и стрелы, чтобы охотиться на обитателей лесов, полей и речных побережий. Старых, медлительных кроликов он ловил просто руками и душил, сжимая им пальцами горло. Это было просто. Сайлас бесшумно подкрадывался к ним, когда они паслись на травянистых откосах, а потом бросался вперед и хватал за шею. Первую минуту или две зверьки трепыхались у него в руках, били в воздухе лапами, и Сайлас сам невольно задерживал дыхание от восторга. И даже когда борьба прекращалась и кролик безвольно обвисал у него в руках, он на всякий случай продолжал еще некоторое время стискивать податливое серое горло зверька.

С черепами Сайлас обходился предельно аккуратно и бережно. Сначала он думал, что ему хватит пяти, десяти, максимум – дюжины черепов, но остановиться не мог. Каждый новый экземпляр приносил ему еще большее наслаждение, чем предыдущий, и Сайлас продолжал рыскать по полям и лесам в поисках добычи. Его коллекция росла, но, разумеется, тогда ему так и не удалось найти ничего подобного тому сокровищу, что лежало перед ним сейчас. Мохнатое существо, восемь ног которого придавали ему сходство с пауком, превосходило своей красотой и совершенством все, что он только мог вообразить в детстве, и Сайласу казалось, что ничего лучшего ему уже не сыскать.

Ну вот, на сегодня, пожалуй, достаточно, решил Сайлас, с наслаждением потягиваясь. Все, что мог, он уже сделал, к тому же чрезмерное утомление могло привести к ошибке и к порче великолепного экземпляра. Было, наверное, уже часов шесть или больше. Пора было отдохнуть. Зевая, Сайлас опустил освеженный труп в жестяное ведро. Его предстояло долго

варить на медленном огне, чтобы мясо отстало от костей, из которых он с помощью пассатижей, клея и тонкой как волосок проволоки соберет великолепный скелет.

Выбравшись из подвальной мастерской, Сайлас почти сразу поднялся в спальню в верхнем этаже. Он уже надевал ночную рубашку и колпак, когда его взгляд упал на полку рядом с кроватью, на которой выстроились в ряд больше десятка мышиных чучел. Каждая мышь была одета в крошечный костюмчик.

Сайлас взял в руки самую маленькую мышь с бурой шерсткой, погладил кончиком пальца ее шерстяную юбочку, шаль, которую сам связал из самой тонкой шерсти, крошечную фарфоровую тарелку, которую мышь держала в лапах. Наконец он поставил чучело обратно на полку и задул свечу.

Он уже начал засыпать, когда в дверь громко постучали. Сайлас накрыл голову подушкой. Стук превратился в глухой грохот, похожий на раскаты далекого грома.

– Са-а-ай-ла-а-а-с!

Сайлас вздохнул. Что за люди пошли, никакого у них нет терпения! Слава богу, у него нет соседей, которых мог бы побеспокоить этот стук. Интересно, кого это принесло? Да что же они так колотят?! Или они не в состоянии прочесть надпись «Закрито» на табличке, которую Сайлас повесил на дверь лавки?

– *Ouvre la porte!*⁷

Застонав, Сайлас сел на кровати, надел сюртук, натянул штаны, заново разжег лампу и начал медленно спускаться по узкой лестнице.

– *Je veux ma colombe!*⁸

– А-а, это вы, мистер Фрост, – произнес Сайлас, открывая дверь, за которой стоял высокий и гибкий молодой мужчина в забрызганной краской одежде. Капельки засохшей краски виднелись даже в его растрепанных выющихся волосах, похожих на какой-то дикарский меховой убор. Названный мистер Фрост обладал недюжинным живописным талантом, а также был наделен соразмерными этому таланту самоуверенностью и непоколебимым сознанием своей правоты, и Сайлас нередко разрывался между презрением к молодому человеку и желанием ему угодить.

Увидев Сайласа, Фрост широко улыбнулся.

– Я так и знал, что ты дома. Я пришел за моей голубкой, если, конечно, от моих воплей она не прыгнула со своего насеста и не вылетела в окно. Ну, где ты ее прячешь?.. – И, не дожидаясь ответа, художник махнул рукой какому-то человеку, который только что появился из-за угла у поворота в переулок.

– Эй, иди скорей сюда! Опять ты опоздал!

Ночь уже почти вступила в свои права, а в переулке не было ни одного фонаря, поэтому Сайлас не сразу разглядел второго мужчину, который осторожно продвигался вперед, лавируя между кучами мусора, нечистот и золы на мостовой. Наконец он подошел достаточно близко, и на его лицо упал свет от лампы, которую Сайлас держал в руке. Чрезвычайная худоба делала его похожим на вконец заезженного пони. Это был приятель Фроста, тоже художник, а звали его Джон Милле.

– Господи, Луис, что ты сделал со своей одеждой?! – воскликнул Милле. – Я бы и свою собаку не одел в такое рваньё!

– Я тоже рад тебя видеть, Джонни! – ухмыльнулся Фрост. В следующую секунду он уже шагнул в лавку, даже не вытерев башмаков о лежащий на пороге железный скребок.

– Хорошо, что у вас еще открыто, – сказал Милле, и Сайлас не стал возражать, хотя у него было *закрито*.

⁷ Открывай! (франц.)

⁸ Мне нужна моя голубка! (франц.)

– Сайлас закончил мою голубку, – сообщил Фрост. – Вот сейчас и поглядим, как он справился с работой. Р-р-р!.. – зарычал он и, схватив с полки львиный череп, притворился, будто хочет швырнуть им в приятеля. Тот машинально пригнулся, а Сайлас замер в испуге. Он хотел попросить художника положить череп на место, но почему-то оробел и не смог произнести ни звука. Повернувшись, Сайлас снял со шкафа чучело птицы.

– Господи боже мой! – воскликнул Фрост, когда Сайлас вынес ему чучело голубки. – Это превосходно, просто превосходно! Как раз что-то в этом роде я имел в виду. – Схватив птицу, он погладил ее пальцем по головке. – Ах, если бы только мои натурщицы умели сидеть так смиренно, как она! Отличная работа, друг мой! – С этими словами он протянул Сайласу золотую гинею. Сумма была вдвое больше той, о которой они условились, но художник отказался от сдачи, сказав, что хорошая работа заслуживает хорошего вознаграждения. Сайлас все еще пытался протестовать, но Фрост только отмахнулся. Затолкав голубку в небольшой ранец из толстой свиной кожи, он подтолкнул приятеля к выходу. Через минуту оба уже вприпрыжку мчались к выходу из переулка, а Сайлас смотрел им вслед. На бегу Луис положил руку на плечо Милле, и на каждом третьем шаге приятели совершали потешный прыжок, похожий на фигуру какого-то танца. В свете лампы, которую Сайлас машинально поднял повыше, чтобы осветить им путь, то и дело мелькали белые лодыжки и белые запястья Фроста, которые неожиданно напомнили Сайласу Флик. Наконец приятели пропали из вида, затерялись в темноте, и Сайлас, обернувшись, окинул взглядом свою тесную лавчонку, ее низкий потолок и обшарпанные шкафы, которые он собственноручно покрасил, пытаясь придать им более respectable вид. Уголки его губ недовольно опустились, но он проговорил только:

– Ну вот, глупая маленькая птица, больше ты не будешь нападать на торговков салатом. Твоему новому хозяину это не понравится. – И, продолжая укоризненно качать головой, он закрыл дверь.

Юная художница

Несмотря на то что весь день ее клонило в сон, уснуть Айрис никак не удавалось. От запаха жженого сахара болела голова, а конский волос, которым был набит матрац, колот тело даже сквозь простыню. Она ворочалась с боку на бок, укладываясь то так, то эдак, высовывала из-под одеяла то ногу, то руку, чтобы дать им немного остыть в прохладном воздухе чердачной комнаты, но все было тщетно. Какое-то время Айрис лежала неподвижно, пытаясь внушить себе полное спокойствие и дышать мерно и глубоко, попадая в такт дыханию сестры, но мысли ее продолжали скакать с одного предмета на другой, не давая забыться сном ни на минуту. Ей хотелось рисовать. Рисовать! Стоило ей закрыть глаза, как ей начинали мерещиться изящные оловянные тюбики с виндзорскими⁹ акварельными красками, устричные раковины, в которых она смешивала цвета, и набор дорогуших собольих кистей, которые Айрис в конце концов купила после шести месяцев жесточайшей экономии.

Какое-то время спустя она приподнялась на локте и слегка толкнула сестру в плечо.

– Я никогда не видела попугаев... – сонно пробормотала та, переворачиваясь на другой бок, и Айрис поняла, что Роз будет крепко спать до тех пор, пока колокола на Святом Георгии не пробьют пять. За стеной она слышала далекий лязг и пыхтение паровозов на железной дороге, сквозь который пробивался тоненький, с присвистом, храп миссис Солтер. Насчет нее Айрис не беспокоилась: после ежевечерней порции лауданума¹⁰ хозяйка спала как мертвая.

Не в силах больше терпеть, Айрис выбралась из-под одеяла. Дощатый пол чуть слышно заскрипел под ногами, но дверная защелка, которую девушка регулярно смазывала салом, открылась совершенно беззвучно. Отчего-то Айрис вдруг захотелось рассмеяться, но она успела вовремя зажать рот ладонью и не издала ни звука.

Когда она уже кралась на цыпочках по коридору, ее ног коснулся холодный сквозняк, колыхнувший подол ночной рубашки. Дверь комнаты миссис Солтер была открыта настежь, и свет ночника желтушным пятном ложился на пол. В воздухе сильно и остро пахло желудочным соком, и Айрис в очередной раз подумала, что несмотря на лекарства, которые миссис Солтер ежедневно принимала в огромных количествах (пилюли «Друг матери» от гастрита, «Безвредные пластыри доктора Монро с мышьяком» от прыщей и другие), болезнь хозяйки, похоже, только усиливается. Айрис до смерти надоело каждое утро стирать запятнанный рвотой коврик (для этого ей приходилось пользоваться крепким уксусным раствором, разъедавшим кожу на руках), но еще хуже были шипки и затрешины, которые миссис Солтер с особенной щедростью раздавала в дни, когда ее одолевали бредовые видения. Не особенно боясь, что ее услышат, она кричала, что пригрела в своем доме двух шлюх и что Айрис вот-вот согрешит со страшным джентльменом с зеленой кожей и кабаньими клыками. В такие дни единственным спасением для сестер было пореже попадаться хозяйке на глаза.

Ах, если бы только однажды аптекарь перепутал лекарство миссис Солтер с крысиным ядом, думала Айрис, спускаясь в подвал по старой скрипучей лестнице.

Подвал состоял из одной сравнительно небольшой, сырой и темной комнаты, служившей складом для хранения материалов, из которых изготавливались куклы. В воздухе здесь стоял такой сильный запах плесени и гниющей мешковины, что он перебивал даже вонь жженого сахара. В наваленных вдоль стен мешках хранились волосы с голов южногерманских крестьян-

⁹ «Виндзор энд Ньютон» – марка профессиональных акварельных красок и других художественных принадлежностей.

¹⁰ Лауданум – настойка опия на спирту, популярное в XIX в. лекарство.

нок¹¹, а в корзинах лежали еще не раскрашенные фарфоровые ноги, руки и лысые головы, странно похожие на диковинные недозрелые плоды. В одной из корзин под фарфоровыми головами хранились главные сокровища Айрис – ее краски, кисти и несколько листов драгоценной бумаги, как еще не использованных, так и с начатыми, но незаконченными рисунками. Все это она перенесла на небольшое бюро, а сама села на шаткий стул.

Айрис хватило одного взгляда, чтобы убедиться: вчера она действительно ошиблась, выбирая масштаб рисунка. Ей хотелось написать большой портрет, но лицо, которое она изобразила, занимало меньше трети листа. Поначалу увиденное привело Айрис в отчаяние – ей казалось, что она не умеет и никогда не будет уметь рисовать как следует. Некоторое время спустя она, однако, успокоилась и, присмотревшись к рисунку внимательнее, обнаружила, что краски на нем яркие, а мазки уверенные и твердые. Ах, если бы только ее голова не торчала в верхней части листа, где она выглядела так нелепо! Отрезать нижнюю, пустую часть ей не хотелось – бумага и так была не слишком большой. Интересно, чем можно заполнить пустое пространство, чтобы спасти рисунок? А что, если...

Повинуясь внезапному порыву, Айрис встала и сняла через голову ночную рубашку – из самой простой фланели, с желтыми пятнами пота под мышками. Пламя свечи осветило гладкую, бледную, как рыбье брюхо, кожу. На секунду девушка попыталась представить, с каким отвращением отнеслись бы к тому, что она собиралась сделать, родители, вечно твердившие о целомудрии и нравственности. К счастью, родители никоим образом не могли заставить Айрис здесь, в этом подвале, так что с их мнением можно было не считаться. Другое дело – Роз или, еще хуже, миссис Солтер. Что, если хозяйка зачем-то спустится в подвал? Да она способна вообразить себе невесту что, особенно под действием опийной настойки, которая только усилит ее ужас и отвращение. Полбеда, если миссис Солтер ограничится тем, что обзовет ее шлюхой, проституткой или продажной девкой. Будет куда хуже, если хозяйка решит ее уволить – тогда Айрис потеряет не только крышу над головой, но и двадцать фунтов годового дохода. Что ей тогда делать? Возвращаться к родителям?..

Айрис, однако, постаралась как можно скорее выбросить эти мысли из головы. Поудобнее устроившись на стуле, клеенчатое сиденье которого неприятно холодило ей ягодицы, Айрис достала краски и выдавила понемногу пигмента в расставленные по столешнице половинки устричных раковин. Намочив кисть, она стала смешивать краски, чтобы получить телесный цвет. Когда все было готово, Айрис снова взглянула на себя в зеркало, но на этот раз взгляд девушки опустился ниже, остановившись на небольших грудях с твердыми, острыми сосками. Прикусив губу, она рассматривала их довольно долго. Да, в ее внешности был серьезный дефект – проклятая ключица, которая заставляла ее горбиться... Неужели она – уродка, или в ней все же есть хотя бы капелька подлинной красоты?

Было время, когда Айрис буквально ненавидела свою ключицу, которая неправильно срослась после травмы, полученной при рождении. В жизни она ей не мешала – из-за нее Айрис лишь немного сутулилась, но дети на улице частенько дразнили ее «горбуньей», ловко пародируя ее манеру ходить, слегка наклонившись вперед. Роз пыталась защитить сестру («А ну, отстаньте от нее, сопляки!»), но, по правде говоря, не слишком старалась, боясь в свою очередь стать объектом злых шуток ребятни («Рыжие ведьмы! Близнецы-великанши!» – частенько кричали им вслед мальчишки, если они появлялись на улице вместе.). Лишь со временем, особенно в последние год или два, Айрис научилась воспринимать этот дефект (право же, не такой и отвратительный!) как часть своей индивидуальности. Пожалуй, теперь она не стала бы избавляться от него, даже если бы могла. Ее изогнутая ключица отнюдь не пугала улич-

¹¹ В середине XIX столетия человеческие волосы пользовались большим спросом. Они использовались для изготовления канатов, рыболовных снастей, париков и шиньонов. Стоили они довольно дорого, и девушки со всей Европы охотно продавали свои локоны. Больше всего ценились светлые волосы из Германии и Скандинавских стран.

ных торговцев-лоточников и не мешала им весело свистеть ей вслед. Порой, когда она проходила слишком близко, самые дерзкие даже хватали ее за талию. «Не хочешь повеселиться, красотка?» – спрашивали одни. «Я уверен, ты не прочь познакомиться со мной и с моей дубинкой поближе!» – говорили другие. В этих случаях Айрис делала решительное лицо («Что это вы такая хмурая, мисс? Хотите, я вас развеселю?») и шагала дальше, стараясь не обращать внимания на их вопли и свист. Если же с ней была Роз, Айрис спешила взять сестру под руку (та обычно опускала взгляд, хотя как раз ее-то мало кто замечал) и шепнуть ей на ухо, как она ненавидит этих грубых уличных приставал.

При этом Айрис знала, что уже очень скоро ей *придется* быть любезной с кем-то из молодых людей, которые, тиская в руках шляпу, время от времени возникали на пороге кукольного магазина. Замужество, как она хорошо понимала, было выходом, вот только выходом *куда?*.. Затягивать с этим, во всяком случае, не стоило: ей уже исполнился двадцать один год; еще немного – и ее красота поблекнет и начнет увядать. И если она промедлит, то превратится в тридцатилетнюю старую деву, обреченную до конца жизни гнуть спину над раскрашиванием фарфоровых кукольных голов. Мать, кстати, уже писала ей о некоем молодом привратнике из гостиницы, который хотел с ней познакомиться. Он даже несколько раз заходил в лавку, но Айрис пока удавалось избегать встреч с ним. Соответственно, она даже не знала, плох он или хорош – ей не хотелось за него замуж просто потому, что его выбрали родители.

А еще Айрис не представляла, как она сможет оставить Роз. Она-то никогда не найдет себе мужа – это было очевидно. Единственное, что могла сделать для нее Айрис, это выйти замуж за кого-то сравнительно обеспеченного, чтобы иметь возможность помогать сестре на протяжении всей ее жизни. О том, чтобы бросить Роз на произвол судьбы, не могло быть и речи – Айрис знала, что просто не в силах этого сделать. В конце концов, они были близняшками, а значит, связь между ними была крепче и сложнее, чем между обычными сестрами.

Болезнь Роз, казалось, и укрепила, и в то же время разрушила эту связь. Когда сестры были маленькими, Айрис имела обыкновение рисовать кусочком угля на любом обрывке бумаги, какой только попадал ей в руки, – на полях газет, на обертке от масла, на обрывках старых обоев. В те времена Роз искренне восхищалась той легкостью, с какой сестра могла изобразить почти любой предмет: стул, дерево, котенка. «Нарисуй эти ножницы!» – говорила она, и на бумаге появлялись ножницы. «Нарисуй слона», – просила Роз, но ничего хорошего у Айрис не выходило – она могла изобразить только то, что видела перед собой. Так было, но теперь Роз только отворачивалась, когда сестра пыталась развлечь ее своими набросками.

И снова Айрис пришлось сделать над собой усилие, чтобы отогнать посторонние мысли и смешать правильный тон для нижней стороны груди, где тени были особенно густыми. Вот кисть заскользила по предварительно смоченной бумаге, и Айрис невольно засмотрелась, как растекается во все стороны прозрачная, как воздух, акварель. Пока все получалось как надо, и она чувствовала себя довольной. Глядя на плоды своих трудов, Айрис исполнялась уверенности, что ее тело принадлежит ей одной и никакая миссис Солтер не имеет права использовать его, чтобы отскребать от грязи полы и стирать вонючие коврики. С другой стороны... с другой стороны, именно это тело каждый день напоминало Роз о том, какой бы она могла быть, не случись с ней это несчастье, но тут уж Айрис ничего не могла поделать. И все же, думая о том, что сестра, быть может, завидует ей, она ощутила какую-то странную дрожь. Чем она была вызвана, Айрис не могла бы сказать. Быть может, ей было неловко перед сестрой за то, что болезнь ее пощадила, быть может, она, напротив, была рада, что на ее коже нет тех страшных ям и рубцов, которые навеки изуродовали Роз. Не исключено было, впрочем, что она просто замерзла в холодном подвале.

Высоко подняв кисть, Айрис долго всматривалась в собственный портрет. Сравнивая его с оригиналом (лицо нужно было слегка подправить, но она займется этим позже), она задержалась на груди и талии. Айрис казалось невозможным представить, что их когда-нибудь кос-

нется грубая мужская рука. Чужой человек обнимет ее за талию, потом его ладонь поднимется выше и сожмет... Нет, невозможно! Айрис поморщилась, словно наяву почувствовав это прикосновение, и поспешила вернуться к рисунку.

Она никогда не расспрашивала сестру об одном происшествии, невольной свидетельницей которого она однажды стала. Еще до болезни у Роз был поклонник – Чарльз, или просто «тот джентльмен», как они называли его между собой. Какое-то время сестра говорила с Айрис только о нем, с гордостью показывая сделанные им подарки – настоящие шоколадные конфеты, стеклянные бусы, клетку с желтой канарейкой (однажды Роз забыла закрыть дверцу, канарейка залетела в дымоход и умерла). Им тогда было по пятнадцати, но они уже тогда понимали: «джентльмен» может спасти Роз от тяжелых жерновов жизни, если женится на ней и сделает хозяйкой в своем небольшом городском коттедже в Мэрилебоне на окраине Лондона. С Айрис Чарльз тоже подружился и даже обещал, что одолжит ей денег на магазин, как только он и Роз... Он не договорил, не произнес вслух слово «поженятся», но Айрис было довольно и того, что он уже сказал. Их с Роз лавка, которую они решили назвать «Флора», превращалась из фантазии в реальность... ну, почти в реальность, и Айрис поспешила взглянуть на сестру, чтобы убедиться: Роз не возражает против подобного проявления внимания – против того, чтобы Чарльз включил и ее в их планы на будущее.

Каждое воскресенье, когда отец и мать отправлялись куда-нибудь по делам, Чарльз приезжал к ним домой. В такие дни Роз просила сестру оставаться в комнате наверху, но однажды Айрис, обиравшись на подобное недоверие и нежелание сестры посвящать ее в свои тайны, потихоньку спустилась вниз и прильнула к закрытой двери. В замочную скважину ей было хорошо видно, как Чарльз, расположившись на старом деревянном стуле, который сделал еще их дед-столяр, привлек к себе Роз. Одной рукой он задрал ей юбки, а другой – расстегнул пуговицы штанов. Не успела Айрис перевести дух, как Роз уже сидела у него на коленях и ритмично подсакивала, словно ехала верхом на лошади. В первую секунду Айрис пришла в ужас, но, словно замороженная ритмом «скачки», странными гримасами на лицах ее участников и скрюченными пальцами Чарльза, которые словно когти впились в молочно-белые ляжки сестры, не могла ни оторваться от замочной скважины, ни просто закрыть глаза. На мгновение ей даже захотелось, чтобы это *она* сидела с задранными юбками на коленях у «джентльмена», а сестра подсматривала за ними в замочную скважину.

Но больше всего поразило Айрис, как обыденно и просто выглядело то, чему она стала свидетельницей. Можно было подумать – в комнате не происходило ничего особенного, хотя она отлично знала, в чем дело. Грех!.. Именно от него их с Роз неустанно предостерегали родители и священники с церковной кафедры.

Даже сейчас Айрис не могла сказать, откуда Чарльз узнал о болезни сестры. Но, как бы там ни было, уже на второй день после того, как лицо Роз покрылось гнойниками и язвами, он явился к ним в дом и прямо на пороге вручил Айрис письмо для сестры.

«Роз будет очень рада узнать, что вы заходили. У нее небольшая простуда, но она скоро поправится», – солгала Айрис, но Чарльз не стал задерживаться и сразу ушел, сказав от силы одно-два слова. Письмо оказалось отнюдь не пылким любовным посланием и даже не пожеланием скорейшего выздоровления. Чарльз писал, что порывает с Роз. Прочтя письмо, сестра выгнала Айрис из комнаты, а сама схватила дедушкино кресло и с такой силой швырнула о стену, что оно разлетелось на тысячу кусков. С тех пор Айрис больше не слышала ни ее веселого, заразительного смеха, ни сделанных шепотом признаний.

Какой-то шум привлек внимание Айрис. Что это, крыса скребется за стеной или кто-то спускается в подвал?..

Да, это чьи-то тяжелые шаги!

Подскочив от неожиданности, Айрис так резко обернулась, что опрокинула стакан с грязной водой, которая лужей растеклась по столешнице. К счастью, она успела схватить рисунок

прежде, чем он намок. Метнувшись в угол, чтобы спрятать его под мешками, Айрис вдруг поняла: шаги удаляются.

– Слава тебе господи!.. – пробормотала она, прижимая портрет к обнаженной груди. Облегчение, которое испытывала Айрис, было таким сильным, что она едва не рассмеялась в голос. Надо же быть такой глупой! Она была уверена, что не ослышалась и что это миссис Солтер спускается в подвал, чтобы застать ее на месте преступления, но это был просто подмастерье или ученик пекаря, который вернулся в соседнюю кондитерскую после позднего представления в дешевом театрике.

Только начав вытирать с бюро быстро расплзавшуюся лужу, Айрис заметила лежащую на столе готовую кукольную голову и не сдержала досадливого восклицания. Вы-плеснувшаяся из стакана вода попала на фарфор, и теперь на лице куклы расплывалось безобразное серое пятно.

– О нет! Только не это! – пробормотала Айрис, хватая фарфоровую голову и впопыхах вытирая ее подолом ночной рубашки. Чтобы раскрасить эту куклу, у нее ушло несколько часов. Что она будет делать, если работа целого дня окажется испорчена? Поплевав на ткань, Айрис лихорадочно потерла кукольные щеки, но ничего не добилась – фарфоровая голова была безнадежно испорчена.

Скрипнув зубами, Айрис едва не зарычала от досады и разочарования. Какая же она неуклюжая! А самое обидное заключалось в том, что тревога оказалась ложной – в подвал никто не спускался. Шум раздался *за стеной*, но она запаниковала, и вот результат! Что же ей теперь делать?

В отчаянии Айрис подняла взгляд к крошечному зарешеченному окну под самым потолком. Сейчас, должно быть, уже около полуночи, решила она. Теперь ей придется работать всю ночь, чтобы раскрасить новую голову.

С неожиданной остротой ощутив пронизывающий холод и сырость подвальной комнаты, Айрис снова надела ночную рубашку. Нет, на свой портрет она даже не станет глядеть! Нет. Этакая непристойность!..

И вдруг ее вновь посетило ставшее уже привычным ощущение, что с ней что-то не так. Как будто где-то глубоко внутри Айрис росла опухоль, которую невозможно было ни вылечить, ни удалить. Наверное, ей следовало уничтожить свои рисунки, поднести их к пламени свечи и дожидаться, пока бумага превратится в пепел, но это было выше ее сил.

И, достав из корзины чистую кукольную головку, Айрис тяжело вздохнула и принялась заново красить выпуклые фарфоровые глаза и наводить румянец на фарфоровые щеки.

Великая выставка

Было утро субботы, и на всех городских церквях оглушительно трезвонили колокола. Почти две недели Сайлас не покладая рук трудился над скелетом щенков, питаясь одним хлебом и слабым пивом, и сейчас ему очень хотелось сходить в «Дельфин», чтобы пропустить стаканчик подогретого бренди с маслом и корицей. Увы, посмотрев на часы, он убедился, что «Дельфин» откроется еще не скоро.

– Проклятье!.. – выругался Сайлас. Ему нужно было как-то убить эти несколько часов, и он решил побывать на строительстве нового павильона Великой выставки. Как относиться к этому огромному сооружению из стекла и стальных ферм, он пока не знал. Его крошечную лавочку нельзя было даже сравнивать с самым большим из когда-либо построенных выставочных залов, и Сайласу казалось, что возведение этого так называемого «Хрустального дворца» (хотя каждому известно, что это просто оранжерея-переросток) было затеяно нарочно, чтобы приуменьшить его достижения. Тем не менее он ходил смотреть на строительство почти каждую неделю, подсознательно желая поскорее увидеть готовый павильон.

Обычно в переулке, где располагалась его лавка, не было видно ни одной живой души, но сегодня в сточной канаве валялись двое мертвецки пьяных мужчин, судя по виду – фабричных рабочих. Один из них с ног до головы перемазался в собственной рвоте, бриджи другого потемнели от мочи, и Сайлас, слегка замедлив шаг, окинул обоих пристальным взглядом. Первый пьяница слегка напоминал Гидеона формой головы и торса, но Сайлас знал, что это не может быть он. Прижимая к носу надушенный носовой платок, Сайлас старательно обошел мужчин, стараясь держаться от них как можно дальше, хотя для этого ему пришлось буквально прижаться к стене дома. Вскоре он вышел на Стрэнд и взмахом руки остановил омнибус.

С Гидеоном Сайлас познакомился вскоре после того, как в 1835 году приехал в Лондон и поселился в дешевом пансионе в Холборне. Его крошечная квартирка из одной комнаты была битком набита черепами и чучелами мелких животных. В столицу он перебрался в надежде приобрести хоть какую-то известность. Раньше о нем знали только в салонах провинциального Стоука, но торчать в этой дыре, особенно после того, как бесследно исчезла Флик, Сайлас не видел большого смысла. Лондон привлекал его еще и тем, что именно здесь сформировалось сообщество хирургов, анатомов и ученых-натуралистов, которые интересовались вскрытиями и проблемами сохранения образцов.

Отыскать Университетский хирургический колледж не составляло особого труда. Немало часов Сайлас провел у его ограды, глядя сквозь прутья на знаменитых хирургов, которые то шагали во всех направлениях по безупречно подстриженным зеленым лужайкам, то исчезали за тяжелыми входными дверьми. По ночам он часто пробирался в крытую аркаду у черного хода, зная, что мертвые тела попадают в колледж именно этим путем, но откуда они берутся, Сайлас тогда еще не догадывался. Однажды он услышал во дворе какой-то шум, ржание лошади и возню. Приглядевшись, Сайлас разглядел черный экипаж, из которого вынесли на носилках что-то, накрытое тканью. Должно быть, это и было то самое мертвое тело – сокровище, о котором он так долго мечтал. Позабыв об осторожности, Сайлас выглянул из своего укрытия между колоннами и, вытянув шею, попытался рассмотреть мертвеца. Больше всего на свете хотелось быть одним из студентов-медиков, которые примут участие в утреннем занятии по анатомии, но об этом, разумеется, не стоило даже думать. Он и грамотой-то овладел с трудом. Читать Сайлас кое-как научился, а вот чистописание ему не давалось – писал он только печатными буквами, да и то с ошибками.

Гидеон сам подошел к нему, когда он в очередной раз «дежурил» днем у ограды колледжа. Невысокий, коренастый, он был студентом старшего курса. Все в его облике и манере держаться выдавало принадлежность к привилегированному классу, и тем не менее они раз-

говорились. Гидеон рассказал Сайласу немало любопытного и о мертвых телах, которые ему доводилось вскрывать в анатомичке, и о многочисленных наглядных пособиях, которые там хранились: о пораженных опухолью легких, о деформированных черепах сифилитиков, о заспиртованном мозге, извлеченном из тела с рубленой раной головы, об удивительном древе кровеносной системы, заполненной для наглядности цветным воском, и о многом другом.

«Эти экспонаты необходимы нам, врачам, чтобы лучше понимать, что такое жизнь и как ее можно продлить, – важно сказал Гидеон, когда Сайлас в нескольких словах объяснил новому знакомому, чем занимается. – Вы, как я понял, интересуетесь несколько иными вещами. Это, конечно, не совсем то же самое, и все же, я думаю, – ваше занятие не лишено занимательности».

Сайлас воспринял эти слова как похвалу и, раздувшись от гордости, охотно рассказал Гидеону о своей коллекции. А тот, похоже, с каждым днем все чаще искал его общества, с неподдельным интересом расспрашивая нового знакомого о его работе. Стоя у ограды колледжа и ухватившись за прутья, Сайлас подробно рассказывал о том, как работал с ласточками, крысами и полевыми мышами, и даже поделился своей мечтой открыть когда-нибудь собственный музей («Что-то вроде кунсткамеры, если вы понимаете, что я имею в виду»), который обессмертит его имя. Когда, в какой момент они стали друзьями, Сайлас не знал. Вероятнее всего, это произошло, когда они вместе сидели в пабе, – произошло совершенно незаметно для обоих.

Однажды, когда после многочисленных просьб своего нового друга Сайлас наконец-то решился показать ему собственноручно изготовленное чучело малиновки – кривое, со скошенным клювом и непропорционально длинной шеей, Гидеон веско сказал:

«Знаете, коллега, я абсолютно убежден, что обнаруженный вами феномен определенно представляет интерес для современной науки. – И, пошевелив усами (а Сайлас давно заметил, что Гидеон делает это каждый раз, когда чем-то взволнован или заинтригован), студент добавил: – Вот что я вам скажу, друг мой, я, конечно, не натуралист и специализируюсь в совершенно иной области, но должен сказать прямо: ничего подобного я в жизни не видел. Этот клюв, эта изящная лебединая шея у обыкновенной малиновки... Позвольте вас поздравить, сэр, перед нами – настоящее чудо природы, и открыли его вы!»

Услышав эти слова, Сайлас едва не рассмеялся от счастья. Он только что удостоился похвалы самого настоящего студента-медика, и вдобавок *джентльмена*, который к тому же не брезговал разговаривать с ним каждый день. Больше того, Гидеон совершенно искренне восхищался его искусной работой, его зорким глазом, его безошибочной интуицией. Для юноши, который буквально вчера приехал в столицу из провинции, – не из самой глухой, правда, но все-таки, – это была большая честь.

Под конец Сайлас, краснея и запинаясь, попросил своего знакомого достать ему что-нибудь «для коллекции» из анатомического театра. В ответ Гидеон экспансивно взмахнул руками и заявил, что у него как раз есть на примете одна любопытная вещица, которая, несомненно, если не обеспечит Сайласу подлинную славу, то, во всяком случае, будет весьма полезна на пути к ней.

«Сам Фредерик Рюйш¹² поднялся бы из могилы ради обладания подобной вещью!» – таинственным шепотом произнес Гидеон, когда несколько дней спустя наконец-то вручил Сайласу заветный сверток, и его усы задергались, как у крысы.

Сайлас принял сверток с наигранным хладнокровием и попытался развернуть. Наверное, подумал он, внутри лежит часть человеческого тела, и даже представил, как некоторое время спустя они с Гидеоном будут обсуждать ее, сидя за столом в таверне, доверительно наклонившись друг к другу, как настоящие коллеги. Судя по весу, это могло быть сердце или даже...

¹² Фредерик Рюйш – голландский анатом, профессор анатомии и ботаники в Амстердаме. Автор анатомической коллекции Кунсткамеры.

«Нет, нет, не здесь! – воскликнул Гидеон, хватая его за руку. – Дома посмотрите. Это такая вещь... такая замечательная и редкая вещь, что... И если мои преподаватели пронюхают, что я передал ее вам, мне не поздоровится».

«Сколько... сколько она стоит? В данный момент я... я несколько стеснен в средствах и не могу позволить себе...»

«Никакой платы не нужно! – замахал руками Гидеон. – С кого-то другого я, быть может, и взял бы довольно большую сумму, но вы... После всех... – Он немного помолчал, словно подыскивая слова. – После всех тех приятных часов, которые я провел в вашем обществе...»

«Даже не знаю, как вас благодарить, сэр!»

«Ну, когда откроется ваш музей, вы могли бы увековечить мое имя в списке почетных дарителей».

«Обязательно, сэр! Всенепременно!»

Сайлас кивнул и улыбнулся. Ему ужасно хотелось хоть одним глазком посмотреть, что же там, в таинственной свертке, но, уважая просьбу своего благодетеля, он не решился развернуть ткань за ближайшим углом. Вместо этого Сайлас со всех ног помчался домой, на бегу увертываясь от экипажей и кэбов и ежеминутно рискуя попасть под лошадь.

Ворвавшись к себе в квартирку, он с грохотом захлопнул дверь, запер ее на ключ и развернул подарок.

Внутри лежала полуобглоданная цыплячья ножка и две переваренных моркови.

Чтобы не расплакаться, Сайлас изо всех сил закусил губу и опустился на пол прямо около двери. Только сейчас ему стало ясно, какая жестокая насмешка скрывалась за каждым словом, за каждым подергиванием нафабранных усов студента.

Сойдя с омнибуса, Сайлас свернул на одну из дорожек Гайд-парка и зашагал по ней, направляясь к месту строительства Хрустального дворца. Должно быть, от усталости его ногу свело легкой судорогой, и, машинально потирая бедро, он с удивлением осознал, что совершенно не помнит поездки через пол-Лондона – последним его отчетливым воспоминанием были двое пьяниц в канаве; все последующее казалось окутанным плотным туманом. Впрочем, подобное Сайласу было не в новинку – сколько он себя помнил, случайные воспоминания нередко исчезали из его головы без всякого следа, словно изображение на пластинке дагерротипа, еще не обработанного ртутными парами. Тщетно Сайлас напрягал память – никаких картин или образов в ней так и не возникло.

В конце концов Сайлас решил, что никаких оснований для беспокойства у него нет. В парке (он потянул носом воздух) чудесно пахло, а на деревьях чирикали птицы. Вот подлинная красота, думал он, разглядывая голые ветви, тянувшиеся к бледно-голубому небу, словно почерневшие пальцы только что выбравшегося из могилы мертвеца. Опавшая листва хрустела под ногами, как старые кости. Какой-то человек случайно толкнул его и, извинившись, заторопился дальше – туда, где вокруг забора, ограждавшего строительную площадку, собралась небольшая, пестро одетая толпа.

Сайлас часто приходил сюда, чтобы понаблюдать за возведением огромного стеклянного павильона. За небольшую плату можно было даже пройти на площадку, чтобы рассмотреть все в подробностях. Он знал, что через год павильон будет разобран и перенесен на новое место, но не одобрял подобную меру. Дело было даже не в напрасной трате сил и энергии; Сайлас просто не мог понять, какой смысл строить музей, если выставленные в нем экспонаты не будут храниться вечно? И все же, глядя на уносящиеся высоко вверх ажурные конструкции, краны и блоки, черневшие на фоне неба, словно парящие птицы, он не мог не признать, что готовый павильон будет выглядеть очень эффектно. Ни в одной стране мира еще не строилось ничего

подобного. Шутка сказать – под огромной стеклянной крышей разместятся десятки экспозиций, сотни и тысячи экспонатов, дающих представление о новейших достижениях промышленности, строительства, науки и коммерции. Неудивительно, что «Панч» окрестил будущий павильон Хрустальным дворцом. Это и будет дворец, гигантский дворец-музей, в котором найдется место для диковин со всего света.

На стройплощадке кипела работа. Десятник покрикивал на рабочих в цилиндрах, налегавших на толстые веревки и канаты, возчики охаживали кнутахми исхлестанные бока ломовых лошадей. Струи пара взмывали в небо, а вслед за ними, слегка раскачиваясь на тросах, поднималась на головокружительную высоту очередная ажурная поперечина полукруглого свода.

А было бы неплохо, вдруг подумал Сайлас, если бы организаторы Великой выставки попросили его изготовить один-два экспоната для раздела, в котором будут представлены предметы искусства. Но никто к нему с такой просьбой не обращался, и даже на его письма никто не ответил. Интересно почему?.. Чем всем этим сэрам и пэрам не нравится его коллекция? Или они просто не принимают его всерьез?..

Сайлас попытался подавить чувство обиды, но его руки сами собой сжались в кулаки. Словно подчеркивая его настроение, по небу побежали облака, запахло дымом: черные легкие индустриального Лондона ритмично сокращались, заполняя воздух зловонными миазмами. Где-то истерично заржала испуганная лошадь.

Нет, решил про себя Сайлас, он не должен сдаваться. Нужно удвоить усилия. Он будет работать, как вол, и когда-нибудь у него будет собственный музей, еще больше, чем этот. Ну а пока...

Тут он вдруг заметил в толпе мальчишку, который, стремительно шныряя между зеваками, одним быстрым движением выхватил белый платок из сумочки какой-то леди. Приглядевшись, Сайлас обратил внимание на растрепанные светлые волосы воришки. Эти волосы он сразу узнал, и на сердце у него сделалось чуточку теплее – все-таки он не один среди этой грохочущей стройки. Улыбнувшись, Сайлас крикнул:

– Эй, Альби!..

Но оборванец его не услышал. Сайлас шагнул к нему и с замиранием сердца понял: Альби попался. Какая-то женщина крепко держала его за запястье; белый платок свисал из пальцев мальчишки, как флаг капитуляции. Спотыкаясь о пучки травы, Сайлас заторопился вперед – он хотел спасти мальчишку, убедить женщину не сдавать его полиции, и вдруг с удивлением увидел, что Альби смеется.

Вновь замедлив шаг, Сайлас всмотрелся в женщину. Она была еще молодой, лет двадцати, и высокой, как мужчина. Ее длинные рыжие волосы были заплетены в толстую косу. Флик?.. Неужели это Флик – повзрослевшая, женственная, грациозная?.. Нет, этого не может быть, потому что... Кроме того, Флик была стройной, как тростинка, а эта молодая женщина стояла, слегка покренившись на левую сторону.

Нет, это не Флик. Сайлас знал это твердо, и все-таки все его тело пронизала какая-то странная дрожь. Так бывает, если потянуть за ручку дверного звонка в очень старом доме: натяжение передается по проволоке к дверному колокольчику, который начинает раскачиваться, и вот уже звуковые колебания разносятся по всему дому, с легкостью просачиваясь сквозь стены и потолки. Сейчас Сайлас Рид стоял словно зачарованный, чувствуя только, как в голове у него звенят маленькие колокольчики, а по мышцам и нервам разносятся зудящие вибрации.

Но что они означали, он понять не мог.

Карманник

Альби присел по нужде, свесив над сточной канавой худые прыщавые ягодицы, похожие на две грязные луны. Пока он занимался своим делом, на дороге показалась группа мужчин. Увидев мальчишку, один из них остановился и засвистел, а потом бросил в него палкой.

– Отстань, дурак! – крикнул в ответ Альби и, наскоро подтершись листом конского щавеля, натянул штаны. Над сточной канавой поднимался горячий пар, и маленький бродяга взглянул на сделанную им кучу с тем же удивлением, с каким относился к любым отходам своего организма. Как ухо производит горькую на вкус оранжевую ушную серу? Откуда берется в носу та полужидкая черная дрянь, которую он высмаркивает в рукав или на мостовую? Он не знал, но хотел бы знать.

Подобрав валявшийся поблизости обломок доски, Альби зачерпнул им побольше собственного дерьма и метнул вслед удалявшимся мужчинам. Те бросились врассыпную, а мальчишка, икая от смеха, помчался в противоположную сторону и вскоре затерялся в толпе.

С точки зрения Альби сегодняшний день был самым подходящим, чтобы попытаться немного подзаработать. Ради этого стоило даже рискнуть и перебраться через изгородь, окружавшую строительную площадку. Туда пускали только по билетам, которые нужно было покупать за деньги, поэтому мальчишка вполне здраво рассудил, что, во-первых, на строительной площадке соберутся в основном те, у кого есть чем поживиться, а во-вторых, все они будут увлеченно наблюдать за тем, как рабочие поднимают наверх очередную ажурную арку и, соответственно, потеряют обычную осторожность. Что здесь строят, Альби не особенно интересовался, и все же его поразил наполовину готовый металлический каркас, который был выше самых высоких деревьев парка.

Сама строительная площадка была довольно грязной. После недавних дождей глинистая почва раскисла, и в ней отпечатались глубокие следы от колес ломовых телег, подвозивших на площадку новые железные конструкции и доски для возведения лесов. Про себя Альби решил, что, когда в павильоне вставят стекла, надо будет прийти сюда и разбить одно или два, просто чтобы полюбоваться, как забегают все эти богачи.

Размышляя таким образом, мальчишка ловко лавировал между людьми, словно челнок между нитями основы. Едва перебравшись через забор, Альби достал из-под куртки фальшивую руку – набитую сеном «колбасу» из грязно-розовой ткани, заканчивавшуюся пятью тряпичными же пальцами, – и затолкал ее в рукав. Издалека муляж действительно можно было принять за живую конечность, особенно если не всматриваться слишком пристально. Настоящей рукой Альби собирался потихоньку вытаскивать из карманов зевак шелковые носовые платки. Жемчужные браслеты, серебряные цепочки и часы мальчик никогда не брал, но не потому, что был недостаточно ловок. Он, разумеется, ни за что бы в этом не признался, но на самом деле Альби очень боялся попасться. Одно дело носовой платок и совсем другое – цепочка или часы. За них вполне можно было угодить в тюрьму или, еще хуже, на каторжные работы. Тогда его посадят на корабль и отправят в *Устралию*, а это означало, что он навсегда расстанется с сестрой.

Все эти соображения, однако, ничуть не мешали Альби презирать богачей, щеголявших в новеньких сюртуках и расшитых золотом камзолах и живших в похожих на дворцы домах, окруженных высокими заборами из остроконечных пик. Он знал, что эти «благородные» господа не позволили бы ему мыть свои уборы, и поэтому каждый раз, когда ему удавалось вытянуть из чьего-то кармана или сумочки благоухающий одеколоном платок, Альби довольно

ухмылялся. Платки он собирался отнести знакомому скупщику на Дак-лейн, который, не задавая ненужных вопросов, заплатит за них по полпенни за штуку. Пройдет немного времени, и у него наберется достаточно денег, чтобы заказать шикарные искусственные зубы. Лучше всего были бы, конечно, зубы из моржовой кости! Они казались Альби самыми красивыми, и он заглядывался на них каждый раз, когда проходил мимо лавки аптекаря.

Ему как раз удалось вытащить у какой-то леди премиленький платочек из белого шелка в мелкий красный горошек, когда кто-то схватил его за фальшивую руку и вытряхнул ее из рукава куртки.

– Это не я! Я ничего не сделал! – протараторил Альби и обернулся. Перед ним стояла Айрис. Облегчение, которое испытал мальчишка, заставило его широко улыбнуться, а с губ сорвалось негромкое мурлыканье, похожее на то, которое издает играющий с шерстяным клубком кот.

– Дай сюда, – проговорила Айрис тихо, но твердо.

– Что отдать, мисс?..

Девушка нахмурилась, и Альби притворно вздохнул.

– Ах, мисс, это же всего-навсего пустяк, безделушка. Для *них* она не имеет значения, а для меня... Жизнь – суровая штука, мисс. Если б вы только знали, как трудно мне достается каждый пенни... – проговорил мальчик, но выражение лица Айрис не изменилось, и Альби понял, что выученная им специально для таких случаев фраза почему-то потеряла свою волшебную силу. Он протянул девушке украденный платок и печально смотрел, как она возвращает его обворованной им женщине («Простите, мадам, вы, кажется, уронили вот это...».)

– Ну вот, вечно вы все испортите!.. – проворчал Альби, когда Айрис снова повернулась к нему.

– Опять шарить по карманам, маленький негодяй? – раздался рядом еще один голос, и мальчик, вскинув голову, увидел Сайласа, одетого, как обычно, в потрепанный серый плащ. – Я думал, после того как я заплатил тебе целых два шиллинга, деньги понадобятся тебе не скоро!

Альби насторожился. Он не выносил, когда чучельник появлялся словно из-под земли. Да еще этот его специфический медицинский запах... От этого запаха Альби почему-то начинало тошнить. Тем не менее он машинально поклонился и уже собирался напомнить старому скряге, что получил от него не два шиллинга, а только один, но передумал.

– Познакомьтесь, сэр. Это мисс Айрис, э-э-э... – проговорил Альби. Он старался подражать произношению высших классов, но в результате заговорил с простонародным ирландским акцентом. – Простите, мисс, не знаю вашей фамилии... А это мистер Сайлас... Его фамилии я тоже не знаю.

Айрис слегка улыбнулась и коротко кивнула.

– Я работаю у мисс Айрис, – продолжал мальчишка. – То есть не у нее, а... В общем, я кой-чего шью из лоскута и сдаю в кукольный магазин старухи Солтер.

– Это который на Риджент-стрит? – уточнил Сайлас, и Айрис машинально кивнула, подтверждая слова Альби.

– А мистеру Сайласу я приношу всякие мертвые штуки... – Для пущего эффекта мальчишка хотел показать, будто кого-то душит, но сдержался и только помахал руками в воздухе. Тем не менее на лице Айрис все же отразилось легкое отвращение, однако она постаралась его скрыть – то ли из вежливости, то ли потому, что почувствовала страх. Мальчишке даже захотелось ее подбодрить, отпустив по адресу чучельника какую-нибудь шутку, но ничего подходящего ему на ум не пришло.

– Вот как? – только и спросила Айрис.

– Когда-нибудь моя коллекция будет известна всей стране, – сдержанно пояснил Сайлас.

– Что ж, было бы любопытно как-нибудь на нее взглянуть, – ответила Айрис, но ее голос прозвучал настолько невыразительно, что Альби понял: она почти не слушает, что ей говорят.

Айрис словно искала кого-то взглядом в толпе. Спустя пару секунд она действительно попрощалась с обоими и, повернувшись, ушла. Ее капор мелькнул возле выхода со стройплощадки и пропал из вида, и Альби, пожав плечами, повернулся к Сайласу, но тот даже не глядел на него. Повернув голову, он смотрел в ту сторону, куда ушла девушка, и прижимал руку к груди – к тому самому месту, где у Айрис выпирала ключица. Казалось, он даже немного сторбился, словно копируя ее легкую сутулость.

– Сэр... – нерешительно проговорил Альби, решив, что Сайлас окончательно тронулся умом. – Та штука, которая у нее на шее... Вы не бойтесь, это не заразно.

Великие расходы

Расставшись с Альби и его знакомым, Айрис двинулась сквозь толпу. Сейчас она сутулилась даже сильнее обычного, непроизвольно стараясь стать как можно ниже ростом, чтобы Роз не заметила ее среди колышущегося моря цилиндров, шляпок и капоров. На мгновение остановившись, она внимательно огляделась по сторонам, но Роз нигде не было видно, и Айрис вздохнула с облегчением.

За оградой строительной площадки девушка снова остановилась и, ненадолго прикрыв глаза, попыталась представить все, что она только что видела, в виде огромного холста, на котором точно, с соблюдением законов перспективы, воспроизведены мельчайшие детали великой стройки: ажурное кружево еще голых, черных деревьев, изящная стальная конструкция, которая, блестя на солнце, вздымается чуть не до самых небес, плывущие в воздухе клубы пара, похожие на облака пушечного дыма с картины «Наполеон при Ватерлоо», которую они с Роз видели в Национальной галерее. Правда, то старое полотно было совсем темным, а Айрис хотелось, чтобы *ее* картина была яркой, живой, похожей на пронизанное светом огромное витражное стекло.

Она попыталась представить решетчатую конструкцию павильона не с обычными, а с цветными – алыми, голубыми, малиновыми и зелеными стеклянными панелями, но решила, что это было бы, пожалуй, *чересчур* ярко. Находиться в таком павильоне было бы, наверное, все равно что внутри огромного калейдоскопа – не каждый человек такое выдержит.

Когда-то Айрис была уверена, что самое большое здание Лондона – Букингемский дворец, но павильон будущей выставки уже сейчас поражал своими размерами. Ничего более величественного Айрис не видела еще никогда. Если люди, побеждая силы природы, научились строить здания, в которых свободно помещаются самые высокие вязы парка, то на что способна она сама? Большую часть времени Айрис казалась себе незначительной и ничтожной, словно какое-то мелкое насекомое, но бывали дни, когда она чувствовала, что стоит ей только посильнее оттолкнуться, и она взлетит в небо, навсегда освободившись от всего, что связывало ее с родителями, с лавкой миссис Солтер и даже – стыдно сказать! – от Роз.

Сегодня как раз был один из таких дней.

– Скажите, разве этот павильон не прекрасен? – обратилась она к какой-то даме, которая остановилась поблизости. Айрис, впрочем, могла бы заговорить с кем угодно – до того ей хотелось поделиться с кем-нибудь своими чувствами и переживаниями.

– О да, он действительно великолепен, – отозвалась незнакомка, и Айрис ощутила, как ее охватывает теплое чувство и к этой леди, и к десяткам других людей, которые пришли сюда сегодня, чтобы понаблюдать за строительством. Если бы она могла, то обняла бы их всех со всеми их радостями и невзгодами, со всеми привязанностями, разочарованиями, с их смехом и слезами.

Не в силах справиться с бурлящей внутри радостью, Айрис сорвалась с места и побежала по лужайкам парка, чувствуя, как колотит по спине толстая рыжая коса. Ее ноги едва касались земли, а трава под башмаками казалась мягкой, как пух. Не успела она, однако, добежать до первого ряда деревьев, как ей пришлось остановиться, чтобы перевести дыхание. Пластинка китового уса от корсета вонзилась ей в бедро, сам корсет сдавил грудь словно железным обручем, а рукам в кружевных перчатках стало жарко, словно она поднесла их слишком близко к огню.

За спиной Айрис послышался какой-то звук, словно кто-то позвал ее по имени. Оборачиваться, чтобы понять, кто это, ей было не нужно. Ну почему, почему Роз повсюду за ней ходит?.. Что она надеется увидеть или узнать?.. Жизнь Айрис была скучнее потемневшего серебра, и лицемерие сестры выводило ее из себя. Во время их совместных выходов в город Роз

старалась следовать за Айрис буквально по пятам, зорко следя за тем, чтобы сестра не принимала ничьих ухаживаний, хотя сама она, вне всякого сомнения, кинулась бы на шею любому, кто поманил бы ее пальцем, даже не вспомнив о своей сестре-горбунье.

– Ах, вот ты где!.. – воскликнула Айрис, притворившись, будто только что заметила Роз, которая шла к ней, взволнованно протягивая вперед руки. Низ ее платья был в глине и траве, но двигалась она плавно, словно настоящая леди (можно было подумать, что она не шагает, а катится на колесиках), к тому же с того места, где стояла Айрис, было почти не видно шрамов на ее лице. На мгновение ей даже показалось, будто произошло чудо и Роз снова стала такой же красивой, как была когда-то. Не без горечи Айрис подумала о своей сутулости и о своей неловкой ковыляющей походке, которую она не раз наблюдала в магазинных витринах.

– Слава богу, Роз! Я уж думала, ты потерялась. Идем скорее, иначе мы опоздаем к обеду и мама будет волноваться.

– Но ведь ты первая от меня убежала! Я все видела! Я думала, ты решила меня бросить!.. И лицо Роз сделалось таким несчастным, что Айрис стало стыдно.

Переполненный омнибус доставил сестер из Гайд-парка в Бетнал-грин. Вот и их улица... Здесь Роз отняла у Айрис руку. Нетерпеливые восклицания, запах несвежего белья – и через минуту они уже сидят за столом в родительском доме. Отец негромко откашливается в рукав.

Айрис честно пыталась прожевать пудинг с почками, но он оказался слишком плотным, и она проглотила кусок целиком. Рядом негромко пыхтела Роз, безуспешно сражаясь со своей порцией домашнего угощения. Этот звук бесконечно раздражал Айрис, и в конце концов она сказала:

– Я рада, что завтра я снова услышу своего любимого священника. Он такой веселый и так интересно проповедует!

– Очень хорошо, что его службы кажутся тебе такими поучительными, – заметила мать, бросая на дочь предостерегающий взгляд.

– О да!.. – Айрис застыла, не донеся вилку до рта. Жир на куске пудинга отливал желтизной, а на мясе поблескивала не до конца счищенная пленка. Айрис попыталась поймать взгляд Роз, чтобы безмолвно извиниться за свой побег, но сестра смотрела в тарелку.

– Я всегда думала, что пристрастие к причастному вину является признаком высокого благочестия, – сказала Айрис. – Ведь чем больше священник пьет Кровь Христову, тем ближе он к святости, разве не так?

При этих ее словах Роз коротко улыбнулась, но тут же принялась тереть рукой оспины на подбородке, и Айрис, отвернувшись, уставилась на фарфорового спаниеля на каминной полке – дешевую безделушку, имитировавшую обычаи богатых домов. Как это похоже на ее родителей, подумала Айрис. Сколько она себя помнила, они всегда пытались копировать обычаи и мораль общественного класса, к которому не принадлежали. Почему-то ей казалось, что родители других девушек, работавших в лондонских лавках, вряд ли были столь же озабочены соблюдением правил благопристойности.

Мать устало вздохнула.

– Айрис, прошу тебя, хватит. А может, ты действительно считаешь, что это забавно?

И Айрис заметила, как мать взяла Роз под руку. Теперь перед ней были не мать и дочь, а сомкнувшая щиты и ошетилившаяся копыями фаланга – военный союз, заключенный в тот день, когда Роз получила злополучное письмо от Чарльза. Почему так случилось, Айрис не

понимала, но сестра и мать уже много лет относились к ней так, словно это *она* написала то письмо, словно это *она* изуродовала лицо Роз страшными шрамами, навсегда лишив ее возможности выйти замуж. Поначалу Айрис пыталась как-то переломить ситуацию, но так ничего и не добилась; казалось, она за считанные дни утратила способность утешать или смешить сестру, хотя раньше они жили душа в душу и часто мечтали о собственном магазинчике, украшенном цветами и оклеенном обоями с цветочным орнаментом. Нет, она по-прежнему любила Роз, конечно любила. И все же...

Айрис сделала еще одну попытку поддержать разговор. – Павильон для Великой выставки выглядит очень красиво... – сказала она.

– Великая выставка, Великая выставка... Великие расходы, вот что я вам скажу! – проворчал отец. При этом он коротко хохотнул, словно призывая своих слушательниц оценить его остроумие, и Айрис послушно хихикнула.

– Миссис Солтер говорит, – добавила Роз, – что, когда люди начнут поклоняться товарам, английскому обществу настанет конец.

– Кому лучше знать, как не ей! – не удержалась Айрис.

– И что это значит, позволь тебя спросить? – осведомилась мать.

Айрис не ответила и только промокнула губы салфеткой. На белой ткани остались уродливые коричневые пятна от соуса.

– Когда мы были в Гайд-парке, Айрис меня бросила! – капризно заявила Роз. – Я так испугалась! Только что она была рядом, а потом вдруг раз – и исчезла. И я нигде не могла ее найти. Она как будто испарилась, затерялась в толпе, а я так плохо вижу своим одним... – Роз не договорила и только взглянула на мать своим единственным здоровым глазом.

«Ябеда!»

– Это правда, Айрис? – мать повернулась к ней. – Но почему ты так поступила? Ведь раньше ты всегда любила свою сестру, а теперь убегаешь от нее как от прокаженной, бросаешь ее посреди толпы...

Айрис не ответила. Она знала, что *действительно* была не права, когда оставила сестру одну, но ведь это не она первая оттолкнула ее от себя. Роз сделала это много лет назад и продолжала отталкивать сейчас. Прикрыв глаза, Айрис попыталась припомнить, как паровые краны поднимали вверх ажурную арку свода, как огромная конструкция раскачивалась и вибрировала, повиснув на толстых тросах, и какое облегчение она испытала, когда арка наконец встала на место. Она надеялась, что воспоминание поможет ей справиться с собой, но тяжесть, лежавшая у нее на сердце, не исчезала.

Нет, ей не вырваться, никогда не стать свободной, подумала Айрис. Ей суждено влачить это жалкое существование, терпеть затрешины и щипки миссис Солтер и мириться с завистью сестры. Единственный выход – дожидаться, пока к ней не посватается какой-нибудь *подходящий* мужчина и она не начнет рожать каждый год по ребенку. Тогда дни ее заполнятся все той же бесконечной рутинной работой: она станет пропускать через катки выстиранное белье, превращать тухлые мясные обрезки в воскресные пироги и нянчиться с детьми, которые будут болеть то scarlatina, то инфлюэнцей, то еще чем-нибудь. И тогда у нее совершенно *точно* не останется ни времени, ни сил, которые она могла бы посвятить рисованию.

Мать тяжело вздохнула, и Айрис отвернулась, чтобы не встречать ее исполненный осуждения взгляд.

– Еще картошки? – спросил отец, произвольно похлопывая ладонью по карману, как он делал всегда, когда дочери отдавали ему большую часть своей недельной получки. Он слегка наклонил голову, и Айрис видела, как блестит от испарины его плешивая макушка.

– Нет, спасибо, – вразнобой пробормотали девушки.

– Айрис!.. – Голос матери зазвенел, как туго натянутая струна, и отец вскинул голову. Волоски на его сжатых кулаках угрожающе встопорщились.

– Почему ты не отвечаешь своей матери, Айрис? Неужели это так трудно? Твоя сестра всегда отвечает быстро и вежливо, а ты...

Опустив голову, Айрис разглядывала застывшую на тарелке подливу. Ей пришлось напрячь всю свою волю, чтобы не стукнуть ладонью по столу, не сдернуть с него запятнанную скатерть вместе с посудой, не завизжать и не расколотить на мелкие осколки фарфорового спаниеля. Но приступ раздражения уже прошел, и она улыбнулась как можно смиреннее.

– Это не совсем так, мама. Просто на стройке было очень много народа и я потеряла Роз из вида. – И Айрис отправила в рот еще кусок пудинга.

Часы на стене поднатужились и хрипло пробили шесть раз.

П.Р.Б.

– Бокал подогретого бренди, пожалуйста, – сказал Сайлас, кладя на стол монету. Почти в ту же секунду за окнами таверны громко зазвонили церковные колокола, призывая прихожан к вечерне. Шесть часов, машинально отметил Сайлас. Как быстро пролетел день!

Он сидел в открытом полукабинете почти у самого очага, и его бледные щеки покраснели от жара. Казалось, все вокруг него сверкает, поблескивает и горит: вогнутая каминная решетка, потолок с подвешенными к нему серебряными кружками и газовыми рожками, вылетающие из очага угли, которые вспыхивали и гасли на циновке у самых его ног. На стене напротив висела табличка с надписью «Ну и какой эль тебе нравится?». Каждый раз, приходя в эту таверну, Сайлас смотрел на нее и улыбался просто для того, чтобы показать всем, что он умеет читать.

Принесли бренди – горячий, ароматный, с толстым слоем растопленного сливочного масла на поверхности, которое Сайлас проглотил в первую очередь. Думал он при этом, однако, не о напитке, а о девушке – об изгибе ее деформированной ключицы и о ее зеленых, как изумруды, глазах.

– Давненько вы к нам не заходили, мистер, – сказала ему хозяйка, которую все здесь звали Мадам, а за глаза – Дельфиниха, по названию заведения. Ее тон казался дружелюбным и приветливым, но Сайласу показалось, что по лицу Мадам скользнула тень беспокойства. – А вот ваших приятелей-художников я вижу достаточно часто. *Слишком* часто, коли на то пошло...

– Я был очень занят, – холодно ответил Сайлас, невольно задумавшись о том, почему, в самом деле, он так долго не заходил в «Дельфин», где было уютно и тепло, где эль всегда был свежим и крепким и где можно было подслушать весьма и весьма интересные разговоры.

Сидевшая в кабинке напротив девушка с таким глубоким декольте, что видны были соски, визгливо захохотала и толкнула в грудь своего кавалера – мужчину с тусклыми серыми волосами. Как обычно, в волосах девушки качалось выкрашенное в розовый цвет страусиное перо.

Мадам торопливо повернулась и двинулась в ее сторону.

– Эй, Марго, сколько раз тебе повторять! Я не потерплю никакого неуважения к нашим дорогим клиентам!

Сайлас сжал в руке бокал. Даже легкая пена на поверхности бренди напоминала ему своим цветом волосы *той* девушки. Айрис, как представил ее Альби. Девушка с темно-рыжими волосами и чуть запавшими, широко расставленными глазами – зелеными, как омуты, в которых ему чудились одиночество и тоска, казавшиеся Сайласу одновременно и непонятными, и очень знакомыми. В одном он не сомневался: отныне эта девушка и он накрепко связаны друг с другом, и эта связь не прервется, что бы ни случилось.

Почему так произошло? Объяснение он нашел довольно быстро. Эта девушка – Айрис – была очень похожа на выросшую и ставшую взрослой Флик. Когда Сайлас ее увидел, ему даже показалось, будто это именно она – Флик, исчезнувшая без следа, когда ему было всего пятнадцать.

Однажды он пытался показать ей свою коллекцию, и они вместе бежали через рощу, где Сайлас хранил свои сокровища. До сих пор он вспоминал медно-золотой проблеск ее волос, ее худые руки с выступающими костяшками, ее улыбку. В эти минуты Сайлас впервые чувствовал себя как настоящий джентльмен, который пригласил леди в свой рабочий кабинет, – в свой мир, в который еще никому не было хода. Показывая Флик черепа кролика, барсука, лисицы и свое главное сокровище – череп барана с закрученными спиралью мощными рогами, Сайлас внимательно наблюдал за выражением ее лица и пытался угадать, какое он произвел впечатление.

Даже сейчас, много лет спустя, Сайлас часто вспоминал Флик. Он тосковал о ней, мечтал о встрече, и сейчас ему казалось, что Бог услышал его молитвы. Как он думал, так и случилось: Флик не утонула в одной из стаффордширских речушек, не погибла от кулаков фабричного мастера, не попала под колеса экипажа с пьяным возчиком на козлах, а бежала в Лондон и нашла работу в кукольной лавке.

Флик стала Айрис.

– Давай, Луис, прыгай! – заорал кто-то. Сайлас обернулся и заметил у стойки троих своих знакомых художников, которые чему-то громко смеялись. Луиса Фроста и Джона Милле он не видел с тех пор, как они заходили к нему в лавку за чучелом голубки, то есть почти три недели (и все равно это был слишком малый срок, чтобы попытаться всучить им еще что-нибудь из его изделий). Их приятеля Габриэля Россетти тогда с ними не было, но Сайлас знал, что эта троица – друзья неразлейвода. Сейчас Милле и Россетти встали друг напротив друга и взялись за руки, а Фрост – длинноногий и к тому же худой как скелет – отступил назад на несколько шагов, собираясь прыгать через этот импровизированный барьер. Его длинные волосы растрепались и торчали во все стороны, так что со стороны он напоминал созревший одуванчик.

– Господа, господа, будьте же благоразумны! – Мадам попыталась вмешаться, но Луис уже разбежался и прыгнул. Мелькнули тощие, с узловатыми коленями ноги, и художник, перемахнув через вытянутые руки приятелей, с грохотом приземлился на пол. Удар был столь силен, что с потолка посыпалась труха, но художник только отряхнул колени и с победным видом оглядел зал. Часть сидевших за столиками клиентов разразилась приветственными криками, остальные только ухмылялись в тарелки и кружки с элем.

– Да здравствует П.Р.Б.! – выкрикнул Россетти, отбрасывая с глаз темные выющиеся волосы, и Сайлас невольно поморщился – не потому, что вообще не любил шум, а потому, что не был посвящен в тайну этих букв, и это его раздражало. Что за П.Р.Б. такое? Чьи-то инициалы?.. Сокращенное название какой-то группы?

– Да здравствует П.Р.Б.!!! – в две глотки заревели Фрост и Милле, подхватывая этот странный клич, и Луис тотчас запел «Марсельезу»:

– *Вперед, сыны отчизны!..*

– *Настал ваш славы час!* – хором вторили Милле и Россетти.

– Еще не настал! – рявкнула Мадам таким грозным басом, что в баре задребезжали кружки, а художники притихли. – Не настал, – повторила она чуть тише. – И кстати, не о ваших ли *художествах* говорилось на прошлой неделе в разгромной статье в «Таймс»?

– Это нечестно! Удар ниже пояса! – загалдели художники. – Вот увидите, дорогая Дель... дорогая Мадам, наш день еще придет!..

Кое-кто из сидевших за столиками захихикал, но Сайлас оставался спокойным. Глядя на художников – молодых парней, каждый из которых был лет на десять моложе его, он думал о той бурлящей энергии, о той бьющей через край жизненной силе, какой он сам никогда не обладал. Ему приходилось видеть, как в поисках «сногшибательной натуры», как они выражались, трое художников брали друг друга за руки и, заняв таким образом всю ширину тротуара, медленно двигались вперед, не пропуская ни одной миловидной женщины. В такие минуты Сайлас завидовал им черной завистью. Быть может, стань он в свое время студентом-медиком, и у него были бы такие же друзья, но...

Ему не потребовалось особо прислушиваться, чтобы уловить фрагменты разговора трех друзей:

– Мы прошли всю Тотнем-корт-роуд... Ни одной подходящей! Как, скажите, на милость, я смогу закончить свою «Возлюбленную Гижмара», если у меня не будет по-настоящему сногшибательной натуры?

– Все лучше, чем обшаривать притоны в поисках пташек, похожих на Мэд...

– А взять, к примеру, этого «кривошеего, рыжего, хнычущего мальчишку»...¹³

– Ради всего святого, не напоминай мне об этой дурацкой статье...

– Но, Джонни, все знают, каков этот Диккенс на самом деле... – попытался утешить приятеля Фрост.

– Болван, сущий болван! И надутый индюк к тому же... Все трое захохотали, и Сайлас подумал: может, стоит все же заговорить с ними и попытаться продать им чучело ласточки, котенка или какой-нибудь череп, чтобы они могли использовать его в качестве «характерной детали» для очередного шедевра? В последнее время он слишком много занимался сросшимися щенками и продал совсем мало украшений из крыльев бабочек, в результате чего у него накопились кое-какие долги.

– Смотрите, это же наш Кадавр!.. – внезапно воскликнул Россетти, и Сайлас счел необходимым обернуться. Перегородка между кабинками представляла собой решетку из толстых деревянных реек, в промежутки между которыми было отлично видно всех троих. Сухо кивнув в ответ, Сайлас слегка приподнял бокал в знак приветствия.

– Простите его невоспитанность, – сказал Луис, вставая коленями на скамью и перегибаясь через перегородку, так что его лицо повисло в воздухе над головой Сайласа. Сегодня художник был еще больше похож на вампира: волосы блестели от помады, а бледная кожа в полутьме таверны выглядела какой-то синюшной. – Габриэль, ты просто свинья! Думаю, тебе бы не понравилось, если бы кто-то называл тебя так, как ты только что назвал нашего, гм-м... друга Сайласа.

– Чушь! Я назвал его так в знак глубокой признательности за те замечательные вещи, которые он нам поставляет. – Лицо Россетти тоже появилось над перегородкой.

– Меня называли и похуже, – заметил Сайлас.

Луис забарабанил пальцами по перегородке, выстукивая какой-то мотивчик, который Сайлас не смог опознать. Ногти художника тоже были окаймлены не до конца отмытой краской – красной охрой, которая напоминала запекшуюся кровь.

– Вот что я скажу, Сайлас: ты-то мне и нужен. Крайне удачно, что мы тебя встретили, – теперь не придется тащиться в эту твою жуткую лавку.

«Скоро у меня будет собственный музей, – подумал Сайлас. – Музей, а не лавка. И я еще подумаю, пускать ли вас в него».

Сделав небольшой глоток бренди из бокала, он сказал вслух:

– Вот как? Вы, вероятно, хотели приобрести еще какое-нибудь чучело для ваших... для вашей работы?

– Что? – Луис махнул рукой. – Вовсе нет. Я хотел поговорить насчет чучела голубки, которое я приобрел у тебя некоторое время назад – И что с ним такое? – осведомился Сайлас, думая о том, как эффектно он расположил перья на хвосте и на крыльях птицы – этой бывшей грозы торговцев кресс-салатом. Чучелом голубки он втайне гордился. Это был безупречный образец его мастерства.

– Что? Оно протухло – вот что!..

– Простите, я не понял... – ошеломленно пробормотал Сайлас.

– Протухло и начало гнить, – раздельно повторил Луис. – Я на пару недель уезжал в Эдинбург, а когда вернулся, мой дом просто кишел навозными мухами. – Он всплеснул руками и напоказ содрогнулся, но в его голосе прорывалось неподдельное раздражение. – Ваше чучело... в нем копошились отвратительные личинки, а запах был такой, что меня чуть не вырвало. Господи, как же там воняло! Помнишь, Джонни?..

– Я почувствовал трупный запах уже на Говер-стрит, – вставил Милле.

¹³ Речь идет о картине Дж. Милле «Христос в родительском доме».

– Вы уверены, что пахло именно оно? – перебил Сайлас и, держась за край стола, пристал. От волнения в животе у него похолодело. – Я высушил его как следует. Оно не могло...

– Уверен ли он?! – прогремел Россетти, в свою очередь, перевешиваясь через перегородку. – Конечно, уверен, разрази меня гром! Что еще могло так смердеть? Уж не кисти и не краски, это уж точно! Тебе еще повезло, любезный, что эта неприятность случилась с Луисом, а не со мной. Я не такой добряк, как он. Уж я бы...

– Габриэль, прошу тебя... – Луис сделал слабую попытку утихомирить приятеля. Когда он снова заговорил с Сайласом, его голос звучал значительно мягче. – Мне не хотелось бы этого говорить, но как раз из-за запаха у меня и возникли кое-какие сложности. Моя натурщица – моя «леди Гижмар» – удрала. Она заявила, что не может находиться в доме, где так сильно воняет, а я как раз нахожусь на том этапе работы, когда натурщица мне совершенно необходима.

Сайлас крепче сжал бокал в кулаке.

– Прошу прощения, сэр. Мне очень жаль, но... Ума не приложу, что могло случиться с чучелом. Разумеется, я возьму вам все расходы, – нехотя добавил он, и, хотя Луис отмахнулся от его предложения, это не улучшило настроения Сайласа. Где он мог ошибиться? Неужели, подумалось ему, он так увлекся работой над другим образцом – над летучей мышью, кажется, – что позабыл как следует высушить голубку? Что ж, придется настоять, чтобы художник взял взамен чучело летучей мыши. О том, сколько он потеряет на этом деле, Сайлас решил не думать, но лоб его пошел озабоченными морщинами. У него, разумеется, были кое-какие сбережения, но, пожалуй, все они уйдут на оплату аренды. Впрочем, свое он все равно возьмет: теперь главное – не поссориться с художниками, и тогда со временем он повысит цены на новые заказы и вернет все, что потерял.

– Из-за твоей тухлой птицы у Луиса возникли серьезные трудности! – заявил Россетти так громко, что даже Марго в соседней кабинке перестала взвизгивать, а Сайлас устался на свой бокал, не в силах вынести презрительного пренебрежения на лицах других клиентов. Да, он совершил промах, но Россетти было вовсе не обязательно оповещать об этом всю округу.

– Не такие уж серьезные, если говорить откровенно... – начал было Луис.

– А как еще прикажешь говорить?! – фыркнул Россетти. – Твою голубку сожрали черви, и все, что от нее осталось, покоится теперь на дне Темзы. А твоя натурщица – эта торговка с рынка, которая не может и секунды посидеть спокойно...

– Она шевелилась только время от времени, когда ей становилось совсем невмоготу...

– Теперь это уже не важно, а важно, что она тебя покинула, потому что твоя мастерская пропахла мертвечиной, точно старый склеп.

– Быть может, Сид согласится мне немного попозировать. А если нет, я найду подходящую натурщицу в какой-нибудь таверне, – возразил Луис.

Россетти снова фыркнул.

– Если ты имеешь в виду мисс Сиддал, то на нее можешь не рассчитывать – ее пишет Джонни. В общем, теперь у тебя ни птицы, ни натурщицы. У тебя вообще ничего нет, кроме надежды когда-нибудь заполучить и то и другое. Чистый холст и пара набросков с птицы не в счет – с *этим* ты вряд ли осмелишься пойти в Академию. – С этими словами Россетти соскользнул с перегородки и снова уселся на скамью, сложив пальцы домиком. – А ты говоришь – ничего страшного...

Луис нахмурился.

– Но у меня, по крайней мере, есть моя идея. Я очень ясно представляю себе, какой должна быть моя картина, и я ее напишу. И она *будет* выставлена в Академии, пусть даже...

– Он немного помолчал. – Пусть даже на ней будет одна только девушка, без голубки.

– Ты прав, – вмешался Милле, сочувственно похлопывая приятеля по плечу. – Главное – идея. Что касается деталей, то с ними как-нибудь решится само.

– Кроме того, Кадавр... – продолжил Россетти, снова поворачиваясь к Сайласу, и тот невольно поморщился.

– Мистер Сайлас, – поправил Луис.

– Кроме того, *мистер* Сайлас обещал возместить тебе ущерб, – как ни в чем не бывало проговорил Россетти. – Хотел бы я только знать, как он это сделает. Или вы, любезный, сумеете совершить чудо и вернуть нашему товарищу ту непоседливую девицу, которую так напугала ваша тухлая птица? – Теперь он обращался непосредственно к Сайласу. – Это просто возмутительно – продавать служителям искусства сделанные кое-как чучела!

– Да, Сайлас, с этим чучелом ты сел в лужу, – добавил Милле, и Сайлас покраснел. Даже Милле им недоволен! – Видели бы вы, как расстроился наш друг!..

– Его печаль была глубока, – важно подтвердил Россетти. – Говоря по-простому, он просто места себе не находил. Честно говоря, Кадавр, я был о тебе лучшего мнения.

Это возмутительно. Я был о тебе лучшего мнения. *Эта лебединая шея...* Сайлас закрыл лицо руками. *Эта лебединая шея!* Трое мужчин смеялись над ним, и у каждого было лицо Гидеона, улыбка Гидеона, усы Гидеона... Сайлас помертвел от ужаса. Он – ничтожество. Презренный, грубый, ни на что не годный ремесленник, у которого никогда не будет собственного музея. Неудачник. Он опозорен, и его доброе имя втоптанно в грязь.

– На самом деле, джентльмены, – неожиданно сказал Луис, – все не так скверно, как кажется. Простите их, мой добрый Сайлас, – сегодня мои друзья настроены слишком по-боевому. Я уверен, что сумею найти выход. По крайней мере, я успел набросать птицу до того, как она... окончательно испортилась. – Он протянул руку, и Сайлас машинально втянул голову в плечи, но художник только похлопал его по плечу. Его прикосновение было твердым и дружеским, а звучавшие в голосе искренность и доброта казались чем-то невероятным после резкости Россетти. Сайлас не смел поднять голову; когда же он заговорил, его голос заметно дрожал:

– Я... я мог бы кое-что предложить... – Трясущейся рукой он поднес к губам бокал с бренди и сделал большой глоток. Голова у него кружилась, а напиток показался отвратительным на вкус – слишком густым и слишком сладким... Возможно, впрочем, все дело было в том, что Сайлас никак не мог разобраться со своими чувствами. Сейчас ему больше всего хотелось угодить Фросту, сохранить его дружбу, возместить потерю чучела. И, не успев даже как следует обдумать все последствия своего поступка, Сайлас сказал:

– Мне кажется, я знаю одну девушку, с которой вы сможете писать вашу леди, э-э-э... Гижмар... Ведь так ее зовут, я не ослышался? Она работает в магазине миссис Солтер.

– В кукольной лавке?

– Да. Так, во всяком случае, мне сказа... – Сайлас оборвал себя на полуслове и даже поднес руку к губам, словно хотел остановить нечаянно вырвавшиеся слова, затолкать их обратно в горло. Нет, нельзя!.. Айрис *слишком* хороша! Она принадлежит ему. Что он наделал?!!

– Нет, нет, скорее всего она вам не подойдет! – быстро сказал он. – Точно, не подойдет! Я ошибся, она... У нее есть один дефект. Уродство, если хотите. Видите ли, ее ключица... она ее портит. В общем, вам она наверняка не понравится!

– Ну, это уж я сам решу. Завтра же пойду на нее взглянуть... – Луис достал переплетенную в кожу записную книжечку, карандаш с золотым колпачком и записал на чистой странице: «Кукольная лавка Солтер».

И Сайлас понял, что только что совершил еще одну ошибку – еще ужаснее первой.

Ссора

Держа в руке кукольную ногу, Айрис сидела в лавке на своем обычном месте, сосредоточенно рисуя на фарфоре черный башмачок. Скоро работа была закончена, и она, зевнув, потянулась и подняла глаза.

И вздрогнула.

Из тумана, клубящегося за стеклом витрины, на нее смотрели четверо мужчин. Все они были молоды и выглядели довольно привлекательно, но их взгляды, устремленные прямо на нее, заставили Айрис смутиться. Особенно внимательно рассматривал ее молодой человек с темными выющимися волосами. Вспыхнув, Айрис опустила взгляд, чтобы посмотреть, все ли у нее в порядке с одеждой. Платье и рабочий фартук были в полном порядке, и все же первым ее побуждением было прикрыться, словно она оказалась перед ними голой, однако уже через секунду Айрис поняла, что их внимание ей, скорее, приятно. Пусть смотрят, решила она, хотя в горле у нее встал комок при одной мысли о том, что родители были правы и что внутри нее действительно скрывается какая-то врожденная испорченность, заставившая ее подсматривать за сестрой в замочную скважину и рисовать себя обнаженной.

Роз, сидевшая рядом, пока ничего не заметила. Опустив голову, она сосредоточенно выдергивала нитки из крошечного кружевного воротничка. Айрис уже собиралась толкнуть сестру локтем, но кудрявый мужчина за стеклом поднес палец к губам. Увидев этот жест, который словно бы устанавливал между ней и незнакомцем какую-то порочную связь, Айрис снова вздрогнула. Нет, это совершенно невыносимо! Как они смеют разглядывать ее так, словно она манекен в магазине или экспонат в музее? А этот мужчина, который только что призывал ее к молчанию... Он же похож на обыкновенного уличного торговца! На нем нет ни цилиндра, ни даже котелка, которые порядочные мужчины надевают, когда выходят на улицу. Похоже, он *не* джентльмен, да и его приятели не лучше.

И, решительно выпрямившись, Айрис машинально коснулась рукой ключицы.

– Посмотри-ка!.. – окликнула она Роз, убедившись, что миссис Солтер нет в зале. – Посмотри на этих грубиянов!

Но мужчины за стеклом мгновенно исчезли, и, обернувшись, Айрис увидела, что за окном никого нет.

Сочащийся в окна дневной свет медленно тускнел. Наступили ранние осенние сумерки, и девушки зажгли свечи и масляные лампы и подбросили в камин последнюю на сегодня порцию угля. Поужинали они, как обычно, хлебом и холодной подливой, а миссис Солтер с такой жадностью прикладывалась к своей бутылочке с опийной настойкой, словно это была материнская грудь. После этого лампы погасили и все разошлись по своим комнатам – хозяйка к себе, девушки к себе.

В постели Айрис прижалась к спине Роз и взяла ее за руку. Ободренная тем, что сестра не отдернулась, Айрис сказала:

– Прости, что убежала от тебя в парке.

– Ничего страшного. Я уже не сержусь.

– Помнишь, как мы мечтали о собственном магазинчике? – Она слегка сжала горячую ладонь Роз. – О том, как я буду раскрашивать жестянки для конфет и печенья, а ты будешь вышивать платки и салфетки?

– М-м-м...

– Что я сделала не так?

Роз не ответила, и Айрис поняла, что сестра уснула. Еще какое-то время она лежала неподвижно, чувствуя, как понемногу расслабляются напряженные пальцы Роз, потом выпустила ее руку и, встав с кровати, на цыпочках вышла из комнаты, бесшумно отворив заранее смазанную дверь. Спустившись по лестнице, она проникла в подвал, сбросила ночную рубашку и села рисовать. В подвале было холодно, и она вся застыла и побелела, как кролик, – Айрис видела это в зеркале, которое установила на бюро после того, как разложила перед собой бумагу и краски.

О холоде и сырости она, однако, скоро забыла. Краски послушно ложились на портрет, на бумаге возникали тени и полутени, и застрявший в горле комок понемногу рассасывался. Ожидая, пока краска немного подсохнет, Айрис прижала ладонь к животу чуть ниже груди и вновь почувствовала, как глубоко внутри нее что-то ворочается и трепещет. «Какая невоспитанность! – снова подумала она, вспоминая четырех мужчин, смотревших на нее из окна витрины. – Настоящие джентльмены не должны так пялиться на незнакомую женщину!» Айрис, однако, чувствовала, что ее гнев не так силен, как должно было быть в подобных обстоятельствах. Во взглядах мужчин ей почудилось что-то вроде безмолвного одобрения или даже восхищения, и это не могло ей не польстить.

Чтобы отвлечься от тревожных мыслей, Айрис решила думать о спящей наверху сестре, но сама не заметила, как вспомнила о подсмотренном свидании – о том, как бледные ягодицы Роз терлись о грубую шерсть мужских брюк, вспомнила синяки, оставленные на ее бедрах мужскими пальцами.

Лежавшая на подвздошье рука замерзла. Айрис опустила ее ниже, зажав между ног, и вновь ощутила внутри странное, тянущее чувство. Что это могло быть, она понять не успела: за ее спиной скрипнула, отворяясь, дверь, и Айрис, подскочив от страха, потянулась к сброшенной ночной рубашке и прижала ее к себе.

– Я... я... – лепетала она не в силах даже обернуться. Кровь шумела в ушах, сердце отчаянно колотилось. Это, конечно, миссис Солтер, думала Айрис. Хозяйка застала ее на месте преступления, и теперь ее работе в магазине конец. Ее вышвырнут на улицу, и ей придется шить матросские подштанники, чтобы заработать на хлеб. А как объяснить родителям, почему миссис Солтер ее выгнала? Самое обидное, однако, заключалось в том, что в глубине души Айрис с самого начала знала: рано или поздно она попадется, и тогда о ее нескромном поведении станет известно всем...

– Что ты... что ты здесь делаешь? И почему ты голая?! – В голосе, раздавшемся позади нее, звучали возмущение и гнев, но Айрисхватило самообладания понять, что это – о, счастье! – вовсе не миссис Солтер. Это ее сестра.

Как только до нее дошло, что это не хозяйка, Айрис испытала громадное облегчение, которое сменилось какой-то необъяснимой досадой. Можно было подумать, ей *хотелось*, чтобы ее выгнали, и теперь она была разочарована тем, что этого не произошло.

Тем временем Роз обошла бюро и, взяв в руки рисунок, поднесла к свету и уставилась на него единственным здоровым глазом..

– Что ты здесь делаешь? И... и что это такое?! – Роз взмахнула рисунком, и на ее щеках проступили два красных пятна.

– Отдай! – выкрикнула Айрис. – Отдай! – Она выхватила портрет из рук сестры, чувствуя, что стыд и страх больше не имеют над ней власти. – Тебя это не касается!

– Это... это неприлично! Зачем ты разделась? Или ты сделала это специально, чтобы подразнить меня? Я конечно, знала, что ты – тщеславная маленькая дрянь, но это... А ты не подумала, что скажет миссис Солтер? И что будет с нами обеими? Да она просто вышвырнет нас на улицу без всяких рекомендаций! – визгливо выкрикнула Роз. – Что мы тогда будем делать? Кто наймет нас на работу? С моим-то лицом и с твоим уродством?

– Но я... я действительно не подумала, что миссис Солтер может уволить и тебя тоже.

– Послушай, сестренка! – Роз схватила Айрис за локоть – как раз за то место, где ее днем ущипнула хозяйка. – Ты должна поклясться, что больше никогда не будешь... не будешь рисовать эти свои картинки... – Она подавила рыдание. – Я знаю... и мама тоже всегда знала, что в тебе есть что-то порочное!

Роз говорила и говорила, но взгляд ее блуждал по обнаженному телу сестры, и Айрис крепче прижала к груди ткань ночной рубашки. Наконец Роз отвела глаза, но Айрис поняла, что значил этот взгляд, это выражение лица, которое было ей так хорошо известно. Горечь и зависть – вот что прочла она в глазах сестры.

– Обещай же, что больше не будешь рисовать! – настойчиво повторила Роз, но Айрис молчала. Продолжая прижимать к себе рубашку, она смотрела на свой портрет и думала о том, что ее сестра-близнец выглядела почти так же, пока болезнь не изуродовала ее тело и лицо. Ей было жаль Роз, но отказаться ради нее от рисования она не могла. Никогда, никогда она не даст такого обещания!

– Обещай!.. – снова повторила Роз настойчивей и громче. – Ты должна, иначе... Иначе я все расскажу маме!

Но Айрис по-прежнему не отвечала. Прислушиваясь к шуму крови в ушах, она слегка переступала с ноги на ногу на холодном полу и думала: как, когда они с Роз стали такими? Когда-то они были неразлучны и ходили повсюду, взявшись за руки. Когда-то, стоило их ладоням соприкоснуться, и они начинали ощущать живое тепло друг друга, а теперь... Теперь в присутствии сестры Айрис буквально задыхалась.

– Слышишь, что я говорю? Ты должна поклясться, что больше не будешь заниматься этими гадостями, иначе...

– Что – иначе?.. – требовательно перебила Айрис. Она наконец сбросила с себя оцепенение, и слова полились потоком, бессвязные, необдуманные, поспешные, напоминающие истерику капризного ребенка, но сдержать себя Айрис уже не могла. – Что – иначе? Ты нажалуешься миссис Солтер и маме?.. Да ради бога! Я их ненавижу, как ненавижу эту работу, на которой я впустую трачу свои силы и свою молодость! Ты, наверное, хочешь, чтобы я застряла здесь навсегда, чтобы я стала такой же несчастной, как ты?! Этого не будет! Вам наплевать, чего я хочу и о чем мечтаю. С тех пор, как ты заболела...

– С тех пор, как я заболела?! – Роз неожиданно всхлипнула. – Да как у тебя только язык поворачивается...

– При чем тут мой язык? Я ничего тебе не сделала, и я не виновата, что ты заболела, но ты и мама – вы обе наказываете меня за это. И не надо читать мне проповеди о морали и нравственности. Не тебе меня упрекать, Роз! Я-то отлично знаю, что... – Айрис ненадолго замолчала, подыскивая подходящее слово. Даже несмотря на владевший ею гнев, она понимала, что потом обязательно пожалеет о сказанном, но по-прежнему не могла остановиться. – Что ты тоже не святая. Ты, небось, думала, будто я ничего не знаю, но я своими глазами видела, как ты согрешила с Чарльзом!..

Звук пощечины Айрис услышала раньше, чем почувствовала боль. Щека ее мгновенно покраснела, из глаз посыпались искры.

– Да как ты смеешь! – завизжала она, больше не заботясь о том, что миссис Солтер может ее услышать. – Я тебя ненавижу! – В ярости Айрис швырнула ночную рубашку на пол и осталась голышом, не думая о том, что выглядит жалко и смешно.

Ее вспышка подействовала на Роз неожиданно сильно. Гнев ее утих, сменившись отчаянием, и она заплакала горько, как ребенок. Между ее открытыми губами заблестела тонкая пленка слюны, лицо жалобно сморщилось.

– Не... уходи... – попыталась сказать она, но Айрис только сердито отвернулась. Она не должна, не должна допустить, чтобы мольбы сестры уменьшили ее решимость. Вырвав у Роз портрет, она прижала его к груди и бросилась к лестнице из подвала. В один миг она взлетела

по холодным ступеням вверх. Еще пролет – и Айрис оказалась в мансарде. Там она заперла входную дверь на замок и только потом сообразила, что ее ночная рубашка осталась внизу. Ну и пусть – спускаться за ней Айрис не собиралась. Снова увидеть сестру, почувствовать ее жгучую ревность или, еще хуже, ее фальшивую озабоченность правилами «морали» было выше ее сил.

И, продолжая кипеть праведным гневом, Айрис юркнула в постель.

Айрис разбудили колокола церкви Святого Георгия, пробившие пять. Поначалу пустующий тюфяк Роз ее озадачил, но потом подробности прошедшей ночи начали одна за другой всплывать в ее памяти. Айрис не знала куда деваться от невыносимого стыда и в конце концов с головой накрылась стеганым одеялом. Она не должна была так разговаривать с сестрой. Она не должна была терять самообладание. Нужно было как-то утешить Роз, но...

В дверь негромко постучали, и Айрис отперла замок. На пороге, опустив голову, стояла Роз. Судя по всему, ночь она провела в подвале – на полу или на мешках с волосами для кукол.

Айрис молча отступила в сторону, пропуская Роз внутрь. Нет, не будет она извиняться! Слова «В тебе есть что-то порочное» по-прежнему жгли ее словно огнем. Сестры оделись в полном молчании; ни та ни другая так и не сказали ни слова, и только когда они зашнуровывали друг другу корсеты, Роз прошептала чуть слышно:

– Пожалуйста, обещай, что больше не будешь!..

Но Айрис ничего не сказала. Она по-прежнему не хотела ни извиняться, ни давать каких-то обещаний, хотя и понимала, что ее рисованию пришел конец. Роз не оставит ее в покое, она будет угрожать, упрямиться, лстить, будет следить за ней внимательнее обычного и в конце концов все равно нажалуется матери или хозяйке. И тогда...

Айрис почувствовала, как по ее щеке сбегает горячая слезинка.

– Извини меня за то, что я тебе наговорила. Я... я вовсе не хотела сказать, что я тебя ненавижу, – проговорила она наконец.

Роз ответила не сразу. Когда же она наконец заговорила, ее голос был холоден, как талая вода.

– Ты должна извиняться не за это, а за свое рисование.

– Я сожалею, что мое желание рисовать так тебя огорчает, но...

– Это не то, о чем я просила, – сказала Роз, и Айрис не ответила. Когда Роз отошла, чтобы воспользоваться ночным горшком, Айрис потихоньку вытащила из-под матраса свой измятый портрет и, спрятав его на груди, поспешила в подвал, спеша прибраться там, пока миссис Солтер еще не встала.

Но на складе все было в идеальном порядке. Бюро было тщательно вытерто, корзины и мешки с фарфоровыми деталями расставлены вдоль стен, и Айрис вздохнула с облегчением, но уже в следующий миг страшная мысль поразила ее, и она сунула руку в корзинку с кукольными головами.

В дверях подвальной комнаты беззвучно возникла Роз – изрытое оспинами лицо, бельмастый глаз глядит в пустоту.

– Где они?! Где мои кисти? Где картины, которые я нарисовала? – крикнула Айрис. – Где они? Что ты с ними сделала?!

Роз молча накручивала на палец прядь волос.

– Я рисовала их несколько месяцев! Ты их выбросила? Сожгла? А мои краски? Куда ты их спрятала?!

– Какое это имеет значение? Ведь это просто вещи... – проговорила Роз, но голос ее дрогнул. – Пойми же наконец, я... я желаю тебе только добра. Если нас обеих вышвырнут, что мы будем делать? Куда нам...

– Врешь! Ты несчастна и хочешь, чтобы все вокруг тоже были несчастными! – перебила Айрис. – И это были мои краски, я купила их на собственные деньги. Я копила на них целый год, а ты..!

– Все деньги, которые я зарабатываю, я отдаю родителям, и ты должна была делать то же самое. Ты не имела права тратить их на свои нужды.

– Гадина! Какая же ты гадина!.. – пробормотала Айрис. Она еще никогда не называла так свою сестру, во всяком случае – не вслух. Но сейчас она сказала это – и ей неожиданно полегчало.

Остаток дня прошел в напряженном молчании. Айрис сидела на своем месте, отвернувшись от сестры, и пыталась работать, но получалось плохо: руки дрожали, и она никак не могла покрасить кукольные губы ровно. Раза два она перепутала синюю и зеленую краски, но успела вовремя остановиться.

Ближе к вечеру миссис Солтер велела ей отнести пару готовых кукол заказчику на Беркли-сквер.

– Я не могу доверить такое важное дело этому однозубому оборванцу, – сказала она. – Придется тебе туда сходить.

При мысли о том, что ей наконец-то удастся вырваться из лавки, Айрис почувствовала невероятное облегчение. Быстро вскочив со стула, она уложила кукол в корзину, словно пару селедок, и прикрыла стружкой.

– Только не мешкай, возвращайся скорее, – начала миссис Солтер, но Айрис уже бросилась к двери. Дверной колокольчик мелодично звякнул, и она выбежала на улицу.

В этот час на улицах Лондона было особенно многолюдно. Возвращающиеся с работы клерки, мастеровые, уличные торговцы и разносчики – все шумели, торговались, покупали, продавали или меняли различные товары: безделушки, сувениры, игрушки, жареную рыбу или свиные уши. Какой-то человек, продававший щенков терьера, взгромоздил корзину с товаром себе на голову и зычно выкрикивал цену, но его голос и визг щенков были едва слышны за ржанием, цокотом лошадиных копыт и грохотом колес бесчисленных повозок и экипажей. Шум стоял такой, что Айрис на миг оторопела, замерев на пороге лавки. Ей, однако, удалось довольно быстро справиться с собой, и она сошла с крыльца, машинально обернувшись на закрывшуюся дверь – зеленую, с выписанным золотыми буквами названием магазина над ней. Ах если бы у нее был факел и бутылка бренди, подумала Айрис. С каким бы удовольствием она подпалила бы лавку, превратила ее в пепел и угли, и ни капельки бы об этом не пожалела.

– Прошу прощения, – сказал кто-то позади нее, тронув Айрис за рукав. – Не могли бы вы уделить мне немного времени?

Круто повернувшись, Айрис отскочила назад и даже замахнулась, решив, что имеет дела с карманницей, но стоявшая перед ней женщина была мало похожа на воровку. Высокая, с длинным прямым носом, она выглядела как настоящая леди.

– Прошу прощения, что обращаюсь к вам вот так, на улице, но...

Айрис удивленно уставилась на нее. Должно быть, она принимает меня за кого-то другого, подумалось ей.

Женщина едва заметно улыбнулась.

– Боюсь, что мы не знакомы, – сказала она, – но я вас знаю. Вы работаете в кукольном магазине. Меня зовут Кларисса, Кларисса Фрост... – За грохотом и скрежетом экипажей Айрис едва разобрала имя, произнесенное уверенным, но не слишком громким голосом. – А вас?..

– Что-что?

– Как вас зовут?

– Айрис... – Она нахмурилась.

– А фамилия?

Айрис слегка покраснела, сообразив, что правила вежливости требовали от нее назвать свое полное имя.

– Уиттл. Айрис Уиттл. Но что...

– Еще раз простите великодушно, что пришлось подойти к вам прямо на улице, мисс Уиттл. Я понимаю, для вас это было довольно неожиданно, но...

Только тут Айрис разглядела за спиной женщины того же молодого мужчину с нервным лицом, который вчера пялился на нее в окно. Он улыбался – и он по-прежнему был без шляпы!

Айрис сердито сдвинула брови.

– Опять вы! – бросила она. События вчерашней ночи и сегодняшнего утра выбили ее из колеи, и она не сумела сдержать раздражение.

– Ах, простите, – сказала Кларисса и, нахмурившись, повернулась к мужчине. – Как я понимаю, вы не знакомы?

– Знакомы? Да ничего подобного! Просто вчера этот человек разглядывал меня в окно... Как видно, он не имеет никакого понятия о хороших манерах!

При этих ее словах молодой мужчина рассмеялся. Смех у него был приятный и показался Айрис вполне искренним.

– Ничего смешного тут нет, – заявила Айрис и покраснела. – И нечего дурочку из меня строить. Я женщина, а не экспонат.

– Этот плохо воспитанный субъект – мой брат, – сказала Кларисса, жестом остановив молодого человека, который как раз собирался что-то сказать.

– Брат? – переспросила Айрис. Кларисса была настоящей леди, но молодой мужчина, которого она назвала братом, выглядел как обычный уличный оборванец: штаны слишком короткие, рубашка чем-то забрызгана, голубой сюртук, явно знававший лучшие дни, местами разошелся по швам. При мысли о том, что этот небрежно одетый человек может приходиться братом столь элегантной женщине в дорогом шелковом платье, Айрис едва не расхохоталась.

– Мой брат действительно одевается несколько иначе, чем я, но... – промолвила Кларисса и, заметив, как Айрис шарахнулась от какого-то прохожего, едва не сбившего ее с ног, добавила: – Быть может, нам лучше поговорить в каком-нибудь более подходящем месте? Эти экипажи ужасно шумят!

И, не дожидаясь ответа, Кларисса взяла Айрис под локоть и направилась к ближайшему кафе – очень дорогому и роскошному. При виде сводчатых потолков, белоснежных, тщательно отглаженных скатертей и сверкающих чайных приборов Айрис так растерялась, что позабыла о корзинке с куклами, которую крепко сжимала в руке. Что все это значит, думала она. Самые разные предположения с быстротой молнии проносились у нее в голове, но ни одно из них не показалось Айрис хотя бы похожим на правду. Что от нее нужно этим странным людям – Клариссе и ее брату? Зачем они повели ее в такое место? Ее старый капор с полями козырьком не шел, разумеется, ни в какое сравнение с модной шляпкой Клариссы, и Айрис постаралась не обращать внимания на ухмылку швейцара. Сама ее спутница, впрочем, ничего не заметила. Щелчком подозвав официантку, она заказала тарелку сэндвичей и чай.

– Только не вздумайте экономить на огурцах, как в прошлый раз, – предупредила она. – И имейте в виду: я вполне способна отличить разбавленные сливки от неразбавленных.

Только сейчас Айрис догадалась, в чем дело. Кларисса, несомненно, содержательница публичного дома, а ее так называемый брат, скорее всего, просто сутенер, который ищет для нее юных наивных девушек.

– Извините, но мне пора идти, – сказала Айрис, сделав движение к дверям. – И не думайте, что я какая-нибудь глупая гусыня, я вижу вас обоих насквозь. Всего хорошего!

Она приподнялась на стуле, но Кларисса вежливо, но твердо взяла ее за плечо.

– Постойте и... не бойтесь, – сказала она. – Мой брат – художник.

– Настоящий художник? – От удивления Айрис даже приоткрыла рот.

– Самый настоящий, – уверила ее Кларисса. – Его зовут Луис. Луис Фрост.

При этих словах Луис посмотрел на Айрис – посмотрел, как ей показалось, с надеждой.

– Никогда о таком не слышала. – Айрис покачала головой.

– Что ж, это вполне возможно... – спокойно согласилась Кларисса. – Мой брат – член группы молодых художников, которые называют себя Прерафаэлитским братством, или, сокращенно, П.Р.Б. Кроме него в Братство входят также Холман Хант, Джон Милле, Габриэль Россетти и еще несколько человек... Быть может, эти имена вам что-нибудь скажут? – В ее взгляде отразилось ожидание – такое же, какое несколько секунд назад промелькнуло в глазах Луиса, но Айрис снова сделала отрицательный жест.

– К сожалению, их я тоже не знаю. Никогда не слышала. Быть может, они не такие уж хорошие художники, чтобы...

– Значит, еще услышите. Они очень талантливы, а мой брат и вовсе один из лучших, – возразила Кларисса, снова усаживая ее на стул. – Луис обучался в Королевской академии искусств, две его работы принимали участие в последней летней выставке Академии в Берлингтон-Хаусе. Уж поверьте мне на слово, Луис – настоящий мастер, он способен создавать поистине великие полотна, но... – Тут она немного замялась и продолжила с неожиданной горячностью: – Но попробуйте убедить в этом наших критиков! Современное искусство насквозь испорчено, оно стало фальшивым, неестественным, механистичным. Живопись пребывает в застое. Мой брат и его товарищи хотят это изменить. Из девиз – копировать природу, а не улучшать ее.

Королевская академия... выставки... критики... Айрис мысленно повторяла эти слова, которые казались ей сладкими, как спелые вишни. А как они звучат – точно прекрасная музыка, которую хочется слушать и слушать без конца! Безумная мысль пришла ей в голову: а что, если эти пере... прерафаэлиты каким-то чудесным образом узнали о ее рисунках и теперь хотят, чтобы она присоединилась к их братству? Это было, конечно, совершенно невозможно, но на один краткий миг Айрис в это почти поверила. Впрочем, она тут же подумала, что братство на то и братство, что его членами могут быть только мужчины. Да и как они могли бы узнать о том, что она тоже рисует? Но тогда... тогда в чем же все-таки дело?

– А я-то тут при чем? – спросила она напрямик и снова поймала на себе взгляд Луиса. Встретившись с ней глазами, он не отвернулся, а продолжал смотреть, и Айрис невольно подумала, что у него красивые глаза. Они были такими темными, что казались почти черными, но в самой их глубине сверкали золотые искры. Если бы ее попросили нарисовать такие глаза у куклы, у нее просто не нашлось бы подходящих красок.

– Наше предложение может показаться вам несколько нескромным, но уверяю вас – мы приложим все усилия, чтобы соблюсти приличия. – Кларисса слегка откашлялась. – Моему брату нужна натурщица. Не согласились бы вы...

– Натурщица? – переспросила Айрис, стараясь ничем не выдать своего разочарования. Опустив голову, она принялась теребить выбившуюся из рукава нитку. Натурщица! Даже ей известно, что позировать – это почти то же самое, что торговать своим телом. Да и Роз никогда ей этого не простит. Для нее будет смертельным оскорблением, если она узнает, что сестра

выставляет напоказ свое тело, свое лицо. Родители ее проклянут. Да и работу в магазине Солтер она наверняка потеряет.

– Вас что-то смущает? – осведомилась Кларисса, внимательно наблюдавшая за выражением лица Айрис. – Я, разумеется, понимаю, что наше предложение звучит немного неожиданно, но в нем нет ничего...

– Не в этом дело, – пробормотала Айрис. – Просто...

– Эй, сюда! Наконец-то!.. – сказала Кларисса официантке, которая поставила на стол большое блюдо с золотой каймой, на котором были горой навалены крошечные бледные сэндвичи на белом хлебе с обрезанной коркой. Кларисса задумчиво отправила один в рот и жестом пригласила Айрис угощаться.

– Если Луис прославится, – продолжила она пару секунд спустя, – то совершенно заслуженно. Лично я не сомневаюсь, что так и будет. А если на его полотнах будет запечатлен ваш образ, то вместе с ним обретете бессмертие и вы. Только подумайте, моя дорогая: вами будут любоваться, восхищаться вами и через сто, и даже через двести лет! – Кларисса сделала крошечный глоток чаю. Чашку она держала четырьмя пальцами, отставив мизинец. – Ну и наконец, вы будете получать по шиллингу в час, что, как я понимаю, намного больше вашей нынешней платы.

– По *шиллингу* в час?!

– Именно так, моя дорогая.

Айрис попыталась сглотнуть, но в горле у нее неожиданно пересохло.

– И за эти деньги я должна буду... должна буду позировать...

– Не беспокойтесь, в том, чтобы быть натурщицей, нет ничего неприличного, – с живостью сказала Кларисса, а Луис лукаво приподнял бровь, словно давая понять, что словам его сестры не следует особо доверять. – Одно время я сама ему позировала. Впрочем, если хотите, можете пригласить с собой компаньонку...

Роз... Как только Кларисса упомянула о компаньонке, Айрис первым делом подумала о сестре. Подумала и сразу вспомнила о вчерашней ссоре, о сожженных рисунках, об украденных красках и незаслуженной пощечине. Нет, только не Роз, решила она и крепко стиснула зубы.

– Судя по вашему лицу, у вас нет на примете никого подходящего, – заметила Кларисса. – Что ж, если не возражаете, в первое время я могла бы присутствовать на сеансах.

– Вы... ваш брат хочет писать меня из-за этого? – Айрис жестом указала на свою искривленную ключицу. – Такой, какая я есть?

– Что?.. Ах нет. Конечно же нет! – Луис наконец-то вступил в разговор, и Айрис подумала, что он говорит как человек, получивший хорошее образование. Да и голос у него был приятный – глубокий густой баритон. – Просто у вас исключительно интересная внешность. Ваше лицо – оно одновременно и красивое, и загадочное. А волосы!.. Я думаю, их не укротить никакими шпильками и булавками. Это... это просто что-то потрясающее! Они так и просятся на свободу.

– Вы и правда считаете, что я... – Айрис не знала, воспринимать ли его слова как комплимент или как оскорбление. Ей необходимо было взять себе в руки, и, чтобы выиграть время, она обратилась к блюду с бутербродами.

– Кроме того, мне кажется, что именно такой должна быть возлюбленная Гижмара. Нет, я абсолютно в этом убежден. Вы и *есть* возлюбленная Гижмара! Его королева!

Айрис нахмурилась, но спросить, кто такой этот Гижмар, не посмела. Кларисса, впрочем, без труда угадала ее мысли по выражению глаз.

– Мой брат, – пояснила она, – работает сейчас над картиной, которая будет называться «Возлюбленная Гижмара в заточении». К сожалению, мой брат зачастую слишком... слишком увлекается своими идеями и забывает, что далеко не все разделяют его пристрастие к средневековой романтической литературе. Вкратце говоря... – Кларисса чуть приподняла голову, и

ее голос зазвучал невыразительно, как у человека, который уже в сотый раз повторяет одно и то же: – Леди, о которой идет речь, была совсем юной девушкой, которую старый ревнивый муж увез в уединенный замок на берегу океана. Какое-то время спустя поблизости от замка причалил корабль молодого рыцаря по имени Гижмар. Он и девушка встретились на берегу и полюбили друг друга. Через год об их любви узнал муж, он изгнал рыцаря из своих владений, но юная леди успела завязать рубаху Гижмара хитрым узлом, развязать который может только она, а Гижмар, в свою очередь, надел на нее пояс, который может расстегнуть только он один. Я правильно говорю?.. – обратилась она к брату, и тот кивнул с набитым ртом. – Злой муж поместил неверную жену в тюрьму. Впоследствии ей удалось бежать, но бедняжке не повезло – она попала в замок короля Мерьядюка, который попытался ее соблазнить, но получил отказ. Спустя какое-то время девушка снова встретила Гижмара, приехавшего на рыцарский турнир, доказала, кто она такая, развязав узел на рубашке, который до нее пытались развязать многие женщины... Так, во всяком случае, я запомнила. Ну а потом... потом Гижмар осадил замок Мерьядюка, убил тирана и женился на своей возлюбленной, которая стала леди Гижмар. – Кларисса снова повернулась к брату и улыбнулась: – Ну, Луис, как тебе моя версия?..

– Сойдет, пожалуй... – ответил Луис, постукивая ногтями по столу. – Короче говоря, мы решили спасти вас от короля Мерьядюка, – добавил он.

– От кого? – не поняла Айрис.

Луис фыркнул.

– От этой строгой седой дамы, у которой рот – как куриная гузка.

– Ах, вы о миссис Солтер! – Айрис хихикнула, но вовремя спохватилась и сделала вид, что закашлялась. Посмотрев на Луиса, она добавила очень тихо, почти шепотом: – А вы научите меня рисовать?

– Что-что?.. – Луис улыбнулся и вдруг захохотал. – Научить *вас*?!

В его голосе звучало недоверие, и Айрис вдруг вспомнила все свои страхи и сомнения. Поднявшись из-за стола, она сказала:

– Извините, но мне действительно пора. Я и так уже опаздываю, а у меня еще есть дела. Спасибо за угощение.

– Нет-нет, побудьте с нами еще! – воскликнул Луис, протягивая к ней руку. Его теплые пальцы легли ей прямо на запястье – на открытый участок кожи между рукавом и перчаткой.

Это была неслыханная вольность, и Айрис отдернула руку.

– Простите, – проговорил Луис. – Я сожалею, если я вас напугал, но... На самом деле все очень просто. Вы должны стать моей «леди Гижмар».

– Должна? *Вашей* «леди Гижмар»?.. А *меня* вы спросили?..

Но Луис пропустил ее слова мимо ушей.

– Как только я увидел вас, я сразу понял...

Айрис почувствовала нарастающее раздражение.

– А как только я увидела вас, я сразу поняла, что вы очень плохо воспитаны!

Он снова засмеялся, а Айрис припомнила слова, брошенные ей Роз: «В тебе есть что-то глубоко порочное!»

Айрис вздернула подбородок.

– Мне очень жаль, что мое желание учиться рисовать кажется вам смешным, но...

Луис перестал смеяться и сделался серьезным, по крайней мере внешне.

– Простите меня за неуместный смех. Это... это просто от неожиданности. Я действительно не ожидал... Хотя мисс Сиддал, одна из наших натурщиц, кажется, тоже рисует. Что ж, я согласен: вы будете получать шиллинг в час за то, что станете моей натурщицей, и я каждую неделю буду учить вас рисовать... Скажем, в течение часа.

– Но я хотела бы учиться по-настоящему. Час в неделю – это слишком мало.

Он снова рассмеялся.

– Вот уж не ожидал встретить столь крепкую деловую хватку в такой молодой женщине! Договорились, я буду учить вас рисовать по полчаса в день. – Он посмотрел на нее почти просительно и добавил: – Соглашайтесь же, мисс Уиттл!

Айрис задумчиво прикусила губу. Так не бывает, думала она. Не бывает, чтобы все, о чем мечталось, сбылось так быстро. Ей хотелось рисовать больше всего на свете, но... Она же совсем не знает ни этого Луиса, ни его сестру. Ну и что, что Кларисса похожа на настоящую леди?.. Айрис с детства воспитывалась на рассказах родителей о наивных, доверчивых девушках, которые, поддавшись на щедрые обещания, попали в беду. Она слышала и о белошвейках, польстившихся на высокооплачиваемую работу в сомнительных заведениях, и о горничных, которые поступили на работу к распутным негодям и сделались объектами издевательств и насилия, но учиться рисовать ей по-прежнему хотелось больше всего на свете. А если все, что обещал Луис, – правда, она сможет вырваться на свободу. Когда еще ей представится такая возможность?

Кларисса ободряющим жестом похлопала ее по руке.

– Мой брат – человек увлеченный и увлекающийся. Собственные идеи кажутся ему блестящими, и он совершенно неспособен поставить себя на место другого. Почему бы вам для начала не побывать в его студии, не увидеть все собственными глазами? А когда вы убедитесь, что от вас не потребуется ничего, что противоречило бы общепринятым представлениям о приличиях, вы и примете решение.

Айрис немного помолчала, поправила капор и крепко сжала ручку корзины дрожащими от волнения пальцами.

– Когда мне лучше прийти? – спросила она.

Часть вторая

*Лиза, милая сестра,
Ты отведала плодов
Из запретных тех садов,
Ты зачахнешь, словно я,
Жизнь померкнет, как моя,
Будут гоблины являться
И манить в свои края...*

**Кристина Россетти,
«Базар гоблинов» (1859)¹⁴**

*Кто ценит свежесть нежных роз,
Тот рвет их на рассвете,
Чтоб в полдень плакать не пришлось,
Что вянут розы эти.*

**Роберт Геррик,
«Совет девушкам» (1648)¹⁵**

Мегалозавр

Альби снилось, что он плывет на борту чайного клипера. Дует свежий бриз, палуба раскачивается и поскрипывает, а паруса хлопают в такт ударам сердца. Под палубой располагаются темные трюмы и матросский кубрик, уставленный сундучками и увешанный гамаками для сна.

Сестра тоже плывет вместе с ним. Мальчик держит ее за руку и улыбается широко-широко, потому что во рту у него новенькие зубы. Стоит ему зажмуриться, и он чувствует на щеках ветер и соленые океанские брызги. Не открывая глаз, Альби может пробежать по всему судну от носа до кормы, выкрикивая команды, которые он слышал в лондонских доках: «Поднять парус! Улавливай под ветер! Лево на борт!» Со всех сторон, куда ни посмотри, только далекий горизонт – размытая голубая линия, где море сливается с небом и редкими облаками. Трещат борта, стонут снасти, и его сестра негромко вскрикивает. Хлопанье парусов на ветру становится оглушительным. Он – на корабле. На корабле!..

Сестра крепче сжимает его руку. Теперь Альби лежит в крошечном кубрике в своем гамаке. Прямо над ним – еще один гамак. Во время шторма кроватная... нет, гамачная сетка раскачивается и прогибается так, что грубые веревки царапают ему нос. Он – на корабле. На корабле!

Но вот шторм стихает. С грохотом пронесся последний шквал, скрипнули по подушке ногти сестры, раздался ее последний тихий всхлип. О, с каким наслаждением Альби умертвил бы этот проклятый ветер, задушил голыми руками, вышиб бы из него дух!

Хлопнула входная дверь, и Альби, выбравшись из-под кровати, потер ноющую руку. На тыльной стороне кисти отпечатались четыре красных полумесяца. В одном месте из-под кожи проступила капелька крови, но Альби тут же ее слизнул.

Сестра сидела на кровати. Мальчик вытянул руку, чтобы отвести в сторону ее влажные от пота волосы, но она сморщилась и отпрянула.

– На этот раз он не сделал тебе больно, – промолвил Альби. – Ведь не сделал, правда?..

¹⁴ Перевод Б. Ривкина.

¹⁵ Перевод А. Сендык.

Сестра отрицательно покачала головой, продолжая сосредоточенно подсчитывать разложенные на подушке потемневшие монетки. Каждую из них она пробовала на зуб. Альби считал вместе с ней. Шесть пенсов. Прежде чем эта ночь подойдет к концу, сестра заработает еще пять раз по столько. Она уже давно болела инфлюэнцей, но вместо того чтобы лечиться, выдавала свою болезнь за чахотку, что позволило ей поднять цену на целый пенни. Умиравшие девушки пользовались в городе бешеным спросом, прямо мода какая-то на них пошла! Что ж, лучше так, чем за гроши гнуть спину на фабрике.

Сестра встала и накинула ветхую ночнушку, а Альби уселся на край кровати и, мурлыча себе под нос какую-то песенку, достал иглу и нитки. Старый подвал для хранения угля был мал, как табакерка; встав посреди комнаты, Альби мог бы дотронуться до каждой из четырех стен, а если бы встал на колени на кровати – то и до потолка, но у многих не было и этого.

– Впервые я корнета встре-е-етил, В полку драгун позавчера.

Ему я лихо задал перца, Забрал пригоршню серебра-а!..

Краем глаза он наблюдал за сестрой, которая, задрав подол ночной рубашки, присела над миской с уксусом. Ее лобковые волосы были похожи на грязное мочало. «Давай уедем отсюда, – хотел сказать ей Альби. – Давай уедем! Проберемся на корабль и уплывем в дальние края!» Но разве там будет не то же самое? – подумалось ему. Где бы они ни были, все повторится снова. Он ненавидел ремесло сестры и в то же время принимал его, смирялся с ним, хотя его ненависть не становилась от этого слабее. Альби вообще не привык думать о жизни как о счастливой или о несчастной – для него она была просто выживанием, ежедневной борьбой за жалкий кусок хлеба, который нужно было добыть любой ценой и при этом – не попасть в работный дом. Да, подчас ему хотелось убежать от такой жизни, убежать куда-то очень далеко, но он понимал, что бежать некуда.

– Ну что ты опять воешь? – недовольно спросила сестра.

– Это называется пение, – сухо отозвался мальчишка, не переставая орудовать иглой. – А если ты не разбираешься, нечего и говорить... И вообще, не приставай! Я вооружен, так что, если кто вздумает ко мне задираться, тому я быстро выколю глаз или два... Это так же просто, как проткнуть кузнечные мехи. Пшик – и все!..

Альби шил из обрезков атласа красивую розетку, чтобы подарить Айрис на Рождество, но сестре мальчуган говорить об этом не стал, боясь, что она станет его дразнить. Сам он постоянно вспоминал монету, которую Айрис потихоньку сунула ему в руку, и все больше убеждался, что на самом деле эта девушка – не работница из кукольного магазина, а переодетая фея, единственная добрая душа во всем городе. Альби хорошо помнил, как однажды она потихоньку сунула ему в мешок каравай хлеба, а еще раньше подарила красиво раскрашенный деревянный волчок, которым сама играла в детстве.

Сестра Альби тяжело вздохнула и снова забралась под одеяло.

– Мне надо поспать до того, как начнут приходить клиенты, – сказала она, и Альби тоже вздохнул. Для сестры предстоящая ночь будет нелегкой, это уж как пить дать.

– Эй!.. – Прямо над их головами кто-то застучал по железной решетке окна. – Альб, ты там? Тебе еще нужны собаки?

– А ну, пошел отсюда со своей дохлятиной! Только и знаете, что шляется, не дадите честной девушке уснуть! – крикнула сестра, но Альби уже бросился к выходу. Откинув грязный пол, служивший им дверью, он взбежал по ступенькам (не забыв перепрыгнуть через прогнившую) и выскочил на улицу, сжимая в руке свой мешок.

– Собака? Где?! Старая или молодая? – засыпал он вопросами стоящего на тротуаре приятеля.

– Не знаю, – отозвался мальчишка. – Она попала под кэб.

– Значит, она еще не сдохла?

– Наверное, еще нет, но нам лучше поторопиться. Бедняга воем так, что на погосте Святой Анны все мертвецы проснутся.

– Тогда бежим.

Солнце садилось. Его желтый свет едва просачивался сквозь висящую в воздухе угольную пыль, дым и туман. Мальчишки сорвались с места и помчались по обшарпанным, бедным улицам – сначала по Олд-Комптон, потом по Фрит и, наконец, свернули на Ромилли, где уже был слышен далекий жалобный визг. На бегу приятели яростно торговались – за доставленные сведения приятель просил шоколадную конфету или пакет мясных шкварок, но Альби сумел уговорить его взять пакетик засахаренного имбиря.

Собака попала под колесо задней лапой, превратившейся в кровавое месиво, в котором белели осколки костей. Как видно, она пыталась отползти, но каждое движение причиняло ей еще более сильные страдания, и собака визжала все громче, все жалобнее. Кровь тонкими струйками сбегала в сточную канаву.

– Надо ее прикончить, чтоб не мучилась, – сказал какой-то прохожий. – Сломать ей хребет, что ли...

– Предоставьте это мне, сэр, – важно сказал Альби, осторожно приближаясь к собаке. – Тише, тише!.. – приговаривал он, стараясь все же не подходить слишком близко, чтобы раненая тварь его не укусила. Альби знал, что после укуса собаки он может взбеситься и у него пойдет пена изо рта. Как он и думал, вылечить собаку было невозможно: ее задняя лапа была разможжена и кровоточила, точно мясные отходы, которые уличные мальчишки-попрошайки засовывают под одежду в надежде вызвать жалость у прохожих.

– Хорошая собачка!.. – проговорил он и погладил дворнягу по спине. В ответ собака заскулила чуть тише. Глаза ее, казалось, готовы вылезти из орбит, тело крупно дрожало. – Тише, тише, красotka. Сейчас я тебе помогу... – Альби сделал приятелю знак, и тот подал ему подобранный тут же камень. Сжав его в руке, мальчик закрыл глаза. Он не любил убивать, но лучше так, чем оставить бедняжку медленно умирать от боли! А то, глядишь, на визг сбегутся мальчишки-беспризорники, которые забавы ради запинаят еще живую собаку ногами или сожгут живьем. Кроме того, за труп можно будет получить у Сайласа еще несколько пенсов и таким образом хоть немного приблизить тот прекрасный момент, когда у него появятся новенькие зубы. Правда, собаку было бы лучше удавить: если череп останется цел, старый скряга даст за нее больше, но... но Альби просто не мог так поступить. Хладнокровно затягивать петлю и видеть смертный ужас в собачьих глазах, ощущать последние судороги обмякшего тела – все это было выше его сил. И он снова взялся за камень.

Удар, хруст ломаемой кости – и тишина. Лапы собаки еще подергивались, но она была мертва. Альби сидел над ней на корточках и пытался отдышаться. Мертва... Мальчуган вытер лицо ладонью и принялся засовывать мертвое тело в свой мешок.

– Прости, красotka... – проговорил он вполголоса.

– Мегалозавр... Мегалозавр... Мегалозавр... – Альби не помнил, где он слышал это слово и что оно означает, но повторял его снова и снова. – Мегалозавр, – бормотал он себе под нос, мчась по улицам по направлению к лавке Сайласа. Собака в переброшенном за спину мешке была еще теплой. Вот бедняжка, не повезло ей!.. Впрочем, для Лондона это обычное дело. Однажды он и сам, быть может, попадет под лошадь, и его тело окажется в мертвецкой при какой-нибудь больнице – изуродованное, неподвижное, ни на что не годное. Заинтересуются им разве что эти хирурги-безбожники, которых хлебом не корми, дай вскрыть свежий труп!.. При мысли об этом его передернуло. Сестра все время твердила, чтобы он был осторожнее, чтобы не торопился и не перебегал улицу перед бешено несущимися экипажами и

какетами, чтобы остерегался лошадей с их острыми копытами и возниц с тяжелыми кнутами. Именно так, кстати, он и лишился зубов. Когда Альби было четыре, его сбил кэб, и хотя все его кости остались целы, лошадиной подковой ему выбило почти все молочные зубы, а новые, «взрослые», на их месте почему-то не выросли. За исключением одного... Тут Альби по привычке потрогал языком одинокий резец во рту. Ничего, когда он накопит денег, то сможет купить себе отличные зубы. Билл и остальные мальчишки просто обзавидуются.

«Мегалозавр... Мегалозавр... Мегалозавр...» – Навязчивый ритм неведомого слова продолжал звучать у него в голове, когда он промчался по широкому, обсаженному деревьями Стрэнду, протолкался сквозь толпу клерков и нырнул в неприметный тупик – настолько узкий, что здесь и двоим было не разойтись. Только здесь мальчуган позволил себе перевести дух, хотя воняло в переулке прегадостно, и уже чуть более спокойным шагом двинулся к лавке Сайласа. У двери висела небольшая табличка, на которой, как уверял сам Сайлас, написано, что посетители должны стучать или звонить, и Альби, поднявшись на крыльцо, сначала несколько раз потянул за спрятанную в небольшой нише рукоять дверного звонка, а потом несколько раз ударил по двери кулаком. В переулке царил почти полный мрак. В окнах домов не светилося ни огонька, и только где-то орала и скребла стену кошка.

Прошло сколько-то времени, и дверь со скрипом отворилась.

– Ну, в чем дело? – спросил Сайлас, появляясь на пороге. В руке он держал крошечный свечной огарок. В его мигающем свете хозяин лавки выглядел еще более худым, чем на самом деле, а его беспокойные глаза словно ощупывали окрестности. Вот Сайлас окинул взглядом Альби, посмотрел вдоль улицы сначала в одну, потом в другую сторону и снова повернулся к мальчугану. – Что у тебя? – повторил он.

– Настоящий бриллиант, сэр, – бойко протараторил Альби, хотя прекрасно понимал, что его сегодняшняя добыча – не ахти какая драгоценность. – Точнее, у меня *был* этот бриллиант, только мне пришлось швырнуть им в дворянгу, которая погналась за мной в городе.

– Что-то я никак не пойму, о чем ты тут толкуешь.

Альби почесал в затылке.

– Если я ничего не путаю, это был мегалозавр, сэр. Настоящий мегалозавр, только маленький. К сожалению, вам пока придется обойтись без него, зато я принес взамен кое-что другое. Что вы скажете на это, сэр?..

Он, однако, не спешил доставать из мешка свое «сокровище», боясь, что Сайлас рассмеется ему в лицо. Тот, однако, явно начинал терять терпение, и мальчик решился. Жестом фокусника Альби запустил руку в мешок и, вытащив мертвую собаку, протянул ее Сайласу, глядя на него с мольбой и надеждой. За протезы из кости просят четыре гиней, вспомнил он, а ему пока удалось скопить всего двенадцать шиллингов. Такими темпами ему придется ходить без зубов до старости.

Сайлас долго не отвечал. Казалось, он смотрит сквозь мальчика, и Альби осмелился снова заговорить, хотя и несколько упавшим голосом:

– Это совсем свежий обра... зец, сэр! Свежайший! Собачка умерла всего несколько минут назад; смотрите, даже не закоченела! Только подумайте, какой замечательный скелетик из нее выйдет, косточка к косточке! Шкуру можно пустить на перчатки, мех – на отделку, ну а не захотите возиться со скелетом, так из костей можно надеть отличных свистков, гребней и всего, чего душа пожелает. Можно даже сделать клавиши для этого... для фортипиано или как оно там называется по-правильному. Фролтепьяно?.. Клавиши из собачьей кости, сэр! Это же здорово! А еще...

– Эта девушка... – внезапно прервал его Сайлас, оттолкнув в сторону руки Альби с зажатым в ней трупом собаки. От неожиданности мальчик даже выронил свой «образец», и он шлепнулся на землю. Альби, впрочем, тут же его подобрал и стер грязь с разможенного темени собаки рукавом.

– Эта девушка... – повторил Сайлас. – Она...

– Какая девушка, сэр?

– Та самая... – Сайлас тронул себя за ключицу, и Альби, невольно вздрогнув, поспешил изобразить самое глубокое и искреннее недоумение.

– Не понимаю, о какой девушке вы говорите... сэр.

– Все ты отлично понимаешь, плут. Я говорю о девушке, которая работает в кукольном магазине мадам Солтер. Об Айрис.

Альби наморщил лоб, почесал нос, потом пожал плечами.

– Что-то не припомню такую... Айрис, вы говорите? Но...

– Да брось ты дурака валять! – Сайлас начал терять терпение. – Мы встретились на строительстве павильона для Выставки, помнишь? Ты сам нас представил и сказал, что ее зовут Айрис.

– Да нет же, сэр! Вы, наверное, ошиблись, – настаивал Альби. Он очень надеялся, что Сайлас в конце концов ему поверит – поверит, что мог ошибиться, перепутать, забыть... – Я вас ни с кем не знакомил, – добавил он с жаром. – Должно быть, вам это просто приснилось. Я не знаю никакой Айрис, вот как бог свят! Как же я мог ее с вами познакомить?

Но Сайлас снова уставился куда-то сквозь него и только изредка теребил свои длинные волосы да кусал и без того искусанные губы.

– Там не было никакой девушки, сэр. Ни Айрис, и никакой другой! – воскликнул Альби, но ответа так и не последовало, и мальчуган понял, что все его старания заставить Сайласа забыть о существовании Айрис пропали втуне.

Чучельник *помнил*.

Переписка

Колвилл-плейс, 6

Фабрика.

2 января, 1851

Ничьей «леди Гижмар».

Позвольте принести Вам мои глубочайшие извинения за задержку. В последний раз мы с Вами виделись чуть больше месяца назад, но за это время произошло много важных событий, в которые я оказался вовлечен помимо – я бы даже сказал вопреки, моей воле. В частности, мне пришлось дважды побывать в Эдинбурге по неотложному делу. В результате одной из этих поездок я тяжело заболел и был, без преувеличения, на пороге смерти. Но не страшитесь! Можете отменить заказ на траурное платье и черные страусовые перья – благодаря заботам моей верной Джинивер я снова пребываю в добром здравии. Правда, моя жестокая и черствая сестра утверждает, будто я, как все ипохондрики, принял обычный легкий насморк за смертельную болезнь. «Обычный легкий насморк», ха! Слышали бы Вы, как громогласно я чихал и какой свирепый кашель раздирал мою слабую грудь! Уж Вы не обошлись бы со мной так равнодушно, как моя дорогая Кларисса.

Но к делу... Я пишу только для того, чтобы сказать Вам еще раз: бегите! Бегите от Вашего злого тюремщика Мерьядюка как можно скорее. Я никогда не принадлежал к тем, кто чтит священный день отдохновения – субботу (что ни в коем случае не является единственным моим недостатком), так что если Вы сможете разок обойтись без ваших коленопреклонений, проповедей и тому подобной чепухи, я буду ждать Вашего визита 12 числа сего месяца. Не забудьте захватить образцы Ваших рисунков, и я постараюсь дать Вам первый краткий урок живописи. Насчет соблюдения приличий можете не волноваться – я попрошу сестру тоже прийти, чтобы составить вам компанию.

Остаюсь искренне ваш и проч. Луис Фрост, П.Р.Б.

Кукольный магазин мадам Солтер

Риджент-стрит 2 января, 1851

Уважаемый мистер Фрост.

Я была рада узнать, что Вы поправились.

Кстати, кто такая Джинивер?

Пожалуй, я смогла бы уделить Вам час моего времени, но не в субботу, а в воскресенье – после воскресной службы, но не позднее трех пополудни. Должна, однако, сразу предупредить, что меня влечет исключительно любопытство. Позировать Вам от случая к случаю, пусть даже за шиллинг в час, я вряд ли смогу. Мои почтенные родители и моя уважаемая нанимательница – люди строгих правил; они ни за что этого не допустят, так что на Вашем месте я бы не возлагала на мой приход особых надежд.

С уважением,

Айрис Уиттл.

Фабрика

Нужный Айрис дом оказался довольно ветхим, но все же он был изящнее и красивее, чем она ожидала. Когда-то это высокое здание с узким кирпичным фасадом имело безусловно аристократический вид, но сейчас оно пришло в запустение, словно выморочное имущество, которое никак не удастся продать. На окнах не было даже занавесок, а подойдя ближе, Айрис разглядела и другие приметы запустения: одно окно в первом этаже было разбито, штукатурка местами отвалилась, а разросшийся плющ и папоротники свисали не только из стеклянных ящиков Варда¹⁶, глиняных вазонов и подвешенных к фасаду корзин, но и из каждой щели и трещины в кладке. Засыпанная соломой улочка была так узка, что когда мимо девушки промчалась повозка, ей, чтобы не быть раздавленной, пришлось буквально вжаться в стену за большим цветочным вазоном, в котором тоже колыхались длинные папоротниковые ветви.

Когда повозка скрылась за углом, Айрис с облегчением откашлялась и оглядела свое платье, к лифу которого была приколотая маленькая атласная розетка – запоздалый рождественский подарок Альби. Заметив замявшуюся ленту, она расправила ее кончиками пальцев и без особой надежды потерла жирное пятно на рукаве, оставшееся от пролитого бульона. Это было ее парадное платье, сшитое несколько лет назад из довольно тонкой хлопчатобумажной материи, которая успела поблекнуть от времени и многочисленных стирок. Айрис, однако, оно по-прежнему нравилось – нравилось, как оно обтягивает ее талию, нравились рукава «фонариками», подчеркивавшие изящество ее тонких рук. Правда, подобный покрой вышел из моды уже несколько сезонов назад, но она всегда утешала себя тем, что платье ей идет, к тому же в нем Айрис обычно чувствовала себя на редкость уверенно. Обычно, но не сейчас... Сейчас Айрис казалось, что со стороны она, должно быть, выглядит как бедная родственница, только что приехавшая из провинции, а не как человек, который еще совсем недавно – всего-то месяц с небольшим тому назад – лакомился изящными сэндвичами, украшенными зелеными треугольничками свежего огурца, и такими густыми сливками, что от них у нее даже слегка расстроился желудок. Но отступать она не собиралась. Раз уж она здесь, надо действовать, решила Айрис и протянула руку к ручке дверного звонка.

Рядом с ручкой она заметила небольшую табличку с надписью: «Фабрика П.Р.Б. Просьба звонить громче». Эти слова неожиданно ее подбодрили и даже заставили улыбнуться: Айрис вдруг почувствовала себя членом малочисленной группы посвященных, знавших подлинное значение трех загадочных букв П.Р.Б. Это были вовсе не инициалы, как непременно подумал бы человек посторонний. Прерафаэлитское братство – вот что означало это сокращение. На мгновение Айрис даже показалось, что и она каким-то образом причастна к братству. В конце концов, Кларисса же объяснила ей, что это за группа и какие цели она перед собой ставит, следовательно, ее сочли человеком, который достоин того, чтобы быть посвященным в тайну. А вот Роз не знает, что такое П.Р.Б., и вряд ли когда-нибудь узнает. Такие вещи положено знать только тем, кто с восхитительной небрежностью уснащает свою речь словами «выставка», «критика», «экспозиция» и «Королевская академия». Что за удивительные слова, как приятно они звучат, как ласкают слух и согревают сердце! Впрочем, спохватилась Айрис, к ней-то все это не имеет никакого отношения. Кто она такая? Да никто. Она пока еще даже не натурщица. У нее вообще ничего нет, кроме жгучего желания рисовать, да вот этого...

И Айрис в растерянности посмотрела на единственный свой уцелевший рисунок, который она для пущей сохранности спрятала в небольшой чехол-трубку, сшитый из обрезка плотной ткани, найденного ею в одном из мешков в подвале кукольной мастерской.

¹⁶ В богатых домах часть окон превращали в миниатюрные оранжереи с помощью так называемых ящиков Варда – герметичных стеклянных ящиков, установленных вровень с нижней границей окна, в которых росли цветы.

– Мне ужасно любопытно, осмелитесь ли вы когда-нибудь войти или мне придется давать вам первый урок прямо на улице? – раздался у нее над головой веселый мужской голос, и Айрис, шарахнувшись от неожиданности в сторону, налетела на тяжелую глиняную вазу и ушибла палец на ноге. Боль была такая, что на мгновение она даже забыла, зачем она сюда пришла. Лишь несколько секунд спустя Айрис немного пришла в себя и огляделась, но так и не увидела того, кто ее окликнул.

– Я здесь! Посмотрите наверх! – снова прозвучал тот же голос. Айрис послушно задрала голову и увидела Луиса, который смотрел на нее из окна второго этажа и ухмылялся.

– Я как раз... собиралась позвонить, но вы меня опередили.

– Это было не трудно, ведь вы стоите на крыльце добрых десять минут. Я наблюдаю за вами уже довольно давно, и, должен признаться, едва не выдал себя, когда эта дурацкая повозка чуть было вас не переехала... Потом мне показалось, что вы застряли между цветочным горшком и стеной и не сможете выбраться без посторонней помощи, но я решил подождать еще немного, и...

– Значит, вы за мной подглядывали? – Айрис покраснела.

– Подглядывал? Вот уж нет! Я всего лишь наблюдал... Кстати, настоящий художник должен все время наблюдать, ибо именно в окружающей природе он черпает... Ладно, подождите еще немного, я вас сейчас впущу.

«Как вы посмели! Я пока еще не ваша натурщица, чтобы за мною *наблюдать!*» – хотела возмутиться Айрис, но Луис уже исчез. Когда же дверь отворилась и он появился на пороге, ее гнев сразу куда-то улетучился стоило ему улыбнуться. Войдя следом за ним в прихожую, пропахшую воском, скипидаром и льняным маслом, Айрис полной грудью вдохнула этот восхитительный и волнующий запах и только потом огляделась. Ковер под ногами протерся до основы, у подсвечника, рассчитанного на пять свечей, уцелело всего две чашечки, зато стены прихожей были сплошь увешаны картинами, как законченными, так и едва начатыми. Сама прихожая была выкрашена в зеленовато-синий, как болотная вода, цвет, а стены между деревянной обшивкой и потолком были украшены рядами павлиньих перьев. Карнизы, плинтусы, дверные коробки, перила и балясины ведущей наверх лестницы сверкали позолотой, что выглядело красиво и богато.

Айрис даже захотелось задержаться здесь, чтобы рассмотреть все получше, но Луис подтолкнул ее к лестнице.

– А ваша сестра уже приехала, мистер Фрост?

– Кларисса? О, нет. Ей помешали какие-то неотложные дела. Она, видите ли, состоит в Мерилебонском благотворительном обществе, и... Полагаю, какому-то сиротке срочно понадобилась помощь, так что придется нам обойтись без Клариссы. И пожалуйста, зовите меня по имени – я терпеть не могу все эти светские условности.

– Но...

– Да, я помню, что Кларисса обещала быть вашей компаньонкой, но как раз сегодня обстоятельства помешали ей приехать. Впрочем, не бойтесь, никто не собирается приносить вас в жертву Венере.

Он произнес эти слова свободно, непринужденно и, похоже, совершенно искренне, но Айрис все равно почувствовала, как у нее сперло дыхание и сердце екнуло в груди. Ей даже пришлось напомнить себе, что она явилась сюда для того, чтобы научиться рисовать – и ни для чего больше. Разумеется, она должна дать Луису понять, что ему следовало бы воздержаться от столь откровенного заигрывания. Быть может, размышляла Айрис, другие натурщицы и позволяют так с собой разговаривать, а некоторым из них это, возможно, даже нравится, но она не такая. Она – приличная девушка и не позволит ему себя компрометировать. Нет, что бы ни говорил Луис, она не поддастся. Либо он будет строго соблюдать приличия, либо ему придется искать себе другую модель.

Только тут Айрис спохватилась, что она пока не соглашалась ему позировать. И не согласится. Скорее всего – не согласится.

– А ваши слуги дома? – спросила она.

– Слуги? – Луис небрежно махнул рукой. – Я не выношу, когда во время работы эта братия путается под ногами. Раз в неделю сюда приходит горничная – вот и все, что мне нужно. – Он жестом пригласил Айрис подняться по лестнице. – Идемте же, я покажу вам свою студию.

За всю свою недолгую жизнь Айрис еще никогда не встречала никого, кто хотя бы отдаленно напоминал Луиса. Его непринужденные манеры помогали ей раскрепоститься, позабыть об условностях и в то же время околдовывали, очаровывали, подчиняли себе, и Айрис никак не могла решить, как же действуют на нее его слова и улыбки на самом деле. Она, впрочем, довольно быстро поняла, что Луис – человек, который привык поступать по-своему, к тому же ему явно нравилось шокировать окружающих, открыто высказывая свои взгляды, однако как раз эта черта его характера неожиданно пришлась ей по душе. И все же Айрис решила, что не станет доставлять ему удовольствие, обнаруживая свое возмущение и гнев. Она примет правила игры. Пожалуй, ей и самой будет интересно попробовать его перехитрить. Она не станет спорить, притворится, будто полностью согласна со всеми его замечаниями, а там... там видно будет.

– Насколько я могу судить, вы больше не стоите на пороге смерти, – заметила Айрис с легкой улыбкой.

– Я действительно поправился довольно быстро, однако в этом нет никакой моей заслуги. За свое скорое выздоровление я должен благодарить Джинивер, которая проявила подлинную преданность и самоотверженность, как и подобает настоящей леди.

– Это весьма благородно с ее стороны, – заметила на это Айрис и вздохнула с облегчением. Так он женат, подумала она. Что ж, это снимает большинство проблем.

– Это верно, но... Боюсь, что Джинивер съела весь мой рождественский пудинг, так что, как видите, она не лишена недостатков. Впрочем, вы сами сейчас все увидите.

– Вот как?..

Луис все же первым поднялся по лестнице и толкнул выходящую на площадку дверь.

– Вот моя студия, мисс. Специально к вашему приходу я сделал генеральную уборку.

Айрис шагнула вперед и тут же наступила на разбросанные по полу створки мидий, громко захрустевшие у нее под ногами.

– Генеральную уборку?.. – переспросила она, удивленно оглядываясь по сторонам. Студия представляла собой большую, светлую, но невероятно захламленную комнату: казалось, будто какой-то великан раскручивал ее, словно глобус, пока содержимое всех шкафов и полок не вывалилось на пол. В углу, накрытое газетами, валялось пыльное чучело какого-то зверя, скорее всего – медвежонка. На стене висели два выпуклых зеркала.

– Откровенно говоря, моя мать и я так и не смогли договориться, что же на самом деле означает это выражение – «генеральная уборка», – небрежно проговорил Луис. – На мой взгляд, оно звучит казенно и скучно. И, согласитесь, когда все вещи аккуратно разложены в соответствии с так называемым «порядком», это действительно неинтересно и скучно. Разве вам так не кажется? Сам я никогда не был сторонником системы, согласно которой каждый предмет должен находиться на своем месте: столовые приборы в буфете, краски – на полках, кисти – в банках и так далее. Это безвкусно, антихудожественно и свидетельствует о полном отсутствии всяческого воображения! А человеческий ум должен мыслить, импровизировать, создавать...

Пока он говорил, Айрис продолжала оглядываться по сторонам, впитывая детали обстановки, но тут газеты в углу зашевелились, и она взвизгнула.

– Ай, что это?!! Медведь! Живой медведь!!!

Луис недоуменно посмотрел на нее, но тут же расхохотался, да так, что у него подкосились ноги и ему пришлось схватиться за дверь, чтобы не упасть. Глаза он закрыл, и из-под век потоками текли слезы.

– Ах-ха-ха!.. Ме... кха! ... дведь! Ну и уморили вы меня!

– Это... это совершенно не смешно! – начала Айрис, борясь с желанием броситься наутек, поскольку существо, которое она приняла за чучело медвежонка, выбралось из-под газет и заковыляло в их сторону. Ей было неприятно, что Луис над ней смеется, но она боялась этого странного животного, боялось, что оно бросится на нее и укусит. В том, что оно может укусить, Айрис не сомневалась. На ее взгляд, Луис был как раз из тех людей, которые ради шутки держат дома опасных зверей, а потом сами становятся их жертвами.

Не выдержав, она сделала крошечный шагок назад.

– Вы... вы удалили ему когти? Или вырвали зубы? – спросила она дрожащим голосом.

Этого оказалось достаточно, чтобы Луис перестал смеяться. Выпрямившись, он вытер с глаз слезы и перевел дыхание.

– Нет, нет, что вы! Как можно! Во-первых, это было бы жестоко, а во-вторых... Во-вторых, это просто вомбата, и она совершенно безобидна. К тому же сейчас она в трауре. Кстати, познакомьтесь: ее зовут Джинивер.

– Ах вот как?! Понятно... Значит, Джинивер не ваша... – «жена», чуть не сказала Айрис, но вовремя удержалась. «Вомбата... Вомбата, – мысленно повторила она незнакомое слово. – В трауре?...»

Только сейчас она заметила черную ленточку, повязанную животному на шею и завязанную кокетливым бантиком, и постаралась скрыть улыбку, подняв ладонь к губам.

– Ничего смешного тут нет, – довольно сухо заметил Луис. – Как раз на Рождество Джинивер потеряла Ланселота, хотя должен признаться – они никогда не были особенно дружны. Джинивер предпочитает проводить время в моей мастерской, тогда как Ланселот обитал главным образом на чердаке. Правда, будучи ночными животными, они оба предпочитали темное время суток, но это единственное, что было между ними общего. Когда Ланселот скончался, я оплакивал его, как самого близкого родственника.

– Он умер от старости?

– Ах, если бы!.. – В знак скорби Луис слегка наклонил голову. – Дело в другом. Как раз на Рождество моему другу Россетти пришлось в голову научить Ланселота курить, но курить он так и не научился, зато сжевал полную коробку сигар и закусил плиткой шоколада. А наутро – отдал богу душу. Теперь мы с Россетти больше не разговариваем.

– Мне очень жаль это слышать. – Айрис протянула руку в направлении вомбаты, словно собираясь ее погладить, но так и не осмелилась коснуться густой мохнатой шерсти – все-таки Джинивер была *слишком* похожа на миниатюрного медведя. Во всяком случае, она была такой же буро-коричневой и мохнатой, а комплекцией напоминала пушечное ядро.

– Она не кусается?

Вместо ответа Луис наклонился и, схватив медведеподобную Джинивер в охапку, прижал к груди. Лицо его покраснело от усилий, но он все-таки сумел высвободить одну руку, чтобы почесать любимицу за ухом.

Пока Луис возился с вомбатой, Айрис обошла студию, внимательно все разглядывая и пытаясь запомнить. В дальнем углу она увидела мольберт – довольно большую и сложную деревянную конструкцию, которая была куда больше бюро, на котором рисовала она. На мольберте стояла картина, но она была накрыта плотной тканью, и, хотя Айрис очень хотелось посмотреть, над чем Луис сейчас работает, заглянуть под нее она не решилась. Как же, наверное,

удобно и приятно иметь в своем распоряжении такую просторную и светлую комнату, в которой можно рисовать, подумала Айрис. Ах, если бы она могла жить здесь, в этом доме! Она была бы на седьмом небе от счастья и не требовала бы от жизни ничего большего. Увы, Айрис хорошо понимала, что это всего лишь мечты, несбыточные мечты. Ее родители просто упали бы в обморок, если бы узнали, что их дочь не только провела полчаса наедине с неженатым художником, но и всерьез задумывалась о том, чтобы стать его натурщицей! Даже сейчас два отражения Айрис следили за ней из зеркал на стене, и ей казалось, будто за ней наблюдают мать и отец. На мгновение Айрис даже почудилось, что и Роз тоже здесь, но она постаралась стряхнуть наваждение.

Потом внимание Айрис привлекли полки и стеллажи, забитые самыми удивительными предметами. Она рассматривала их с жадностью, борясь с желанием взять тот или иной предмет в руки, чтобы ощутить его тяжесть и заодно увидеть скрывающиеся за ним другие диковины. Здесь были и сверкающие перламутром морские раковины самых причудливых форм и расцветок, и какие-то черепа, и раскрашенные птичьи яйца, и растрепанное птичье гнездо из мха и соломы, и фрагменты рыцарских доспехов, включая кольчужную рубашку, и рыльце водосточной трубы в виде фантастической каменной фигуры, и разнообразные гипсовые бюсты и торсы, и множество других вещей. В задумчивости Айрис провела кончиками пальцев по изящному гипсовому носу какого-то римского вельможи, а потом взяла в руки прохладную мраморную кисть, словно отбитую от какой-то античной статуи.

– Прошу прощения, но эту штуку вы лучше не трогайте, – сказал Луис и, забрав у нее руку, положил ее обратно на полку.

– Разве она такая хрупкая? – удивилась Айрис.

– Она *не* хрупкая, но весьма и весьма ценная. Я, видите ли, позаимствовал ее в Британском музее.

– Как это любезно со стороны музея – пойти навстречу художнику, чтобы он мог без помех практиковаться в...

Луис смущенно переступил с ноги на ногу.

– Дело в том, что я никого ни о чем не просил.

– Неужели вы ее украли?! А если бы вы попались?

– Я бы не попался. Если б я захотел, из меня вышел бы отличный профессиональный вор. Правда, чтобы повернуть это дельце, мне пришлось попросить Россетти устроить небольшой скандал и отвлечь внимание зрителей, но это как раз было самой легкой частью моего плана: его-то долго уговаривать не нужно. Вот Милле – тот ни за что не согласился бы!.. – Луис экспрессивно взмахнул руками. – В некоторых вопросах он весьма щепетилен, хотя, если разобраться, то это вовсе не кража: я же верну руку назад, когда она будет мне не нужна.

– У вас интересная логика. И весьма эластичная мораль, – заметила Айрис. Взяв в руки павлинье перо, она некоторое время любовалась перебегающими по нему сполохами изумрудно-зеленого, черно-синего и малиново-алого цветов. Ах, если бы у нее были *такие краски*, чтобы рисовать!.. Золотой в черном обрамлении «глазок» на конце пера неожиданно показался ей похожим на глаза Луиса, и она смутилась.

Он перехватил ее взгляд, но истолковал его неправильно.

– Значит, вы меня... вы не одобряете мой поступок?

– Я? Вовсе нет!

– Вы-то, наверное, не украли бы и булавки!

– Откуда вы знаете? – спросила Айрис, не глядя на него.

– Мне так кажется.

– Но вы меня совсем не знаете.

– Тогда докажите мне, что я ошибаюсь! – Луис шагнул вперед.

– С какой стати я должна вам что-то доказывать?

– Я так и думал. Вы слишком гордая и слишком правильная.

– Это не так. Не совсем так... – Айрис сложила руки на груди. Совершенно неожиданно Луис оказался как-то слишком близко: она отчетливо ощущала исходящее от него тепло и запах краски, которой была испачкана его одежда. У нее даже перехватило дыхание, вот только от чего – от страха или от волнения? Ответить на этот вопрос Айрис оказалась не в силах.

– Что ж, до тех пор, пока вы не докажете обратное, я буду считать вас утонченной и прекрасно воспитанной маленькой леди.

– Утонченной и прекрасно воспитанной?.. – Айрис постаралась не попасться в расставленную ловушку. – Гм-м!..

– Вообще-то, большинство женщин восприняли бы мои слова как комплимент.

– Я *не* большинство, – отрезала Айрис. Луис стоял совсем рядом, и на секунду ей даже показалось, что он собирается ее поцеловать. Я не должна ему этого позволять, в смятении подумала она, чувствуя, как колотится сердце в груди. На самом деле ей очень хотелось, чтобы он прикоснулся к ней, хотя бы еще раз взял ее за руку, но Луис только слегка причмокнул губами и отошел к окну.

– Ладно, покажите мне ваши рисунки, – сказал он, придвигая два стула к стоявшему в уголке столу.

– Какие рисунки?

– Те, которые я просил вас захватить с собой.

– К сожалению, у меня сохранился только один рисунок. Даже, скорее, набросок, – проговорила Айрис, доставая из футляра свой свернутый в трубку автопортрет и расстилая его на столе. Это было все, что ей удалось спасти. В течение месяца с небольшим она прятала его под матрасом, отчего бумага сильно помялась, к тому же, прежде чем прийти сюда, ей пришлось отрезать нижнюю часть рисунка: плечи, грудь, тело, пусть они и были намечены всего несколькими мазками. Сейчас, взглянув на свою работу, так сказать, свежим глазом, Айрис решила, что вышло не так уж плохо. Быть может, Луису тоже понравится.

– Гм-м... – пробормотал Луис, поднося рисунок к свету. – Техника, конечно, довольно примитивная...

– Примитивная?! – Айрис выхватила у него рисунок. – Да я вообще..! Я никогда не..!

– Тише, тише, я вовсе не собирался вас оскорблять. Вы никогда не учились рисованию, верно? Тем не менее в вашем рисунке правильно схвачены пропорции и анатомические детали, соблюдены перспектива и композиция, верно передана светотень, но... но кистью вы владеть не умеете.

Айрис не знала, что ей делать – заплакать, завизжать от ярости, может быть, даже ударить его. Вспыхнув, она открыла рот – и выпалила первое, что пришло ей в голову:

– Одним словом, вам не нравится... Ну что же, быть может, мне тоже не понравятся ваши картины!

– Я этого не исключаю. Во всяком случае, в этом вы будете не одиноки. Некто Чарльз Диккенс, к примеру, отзывался о моих работах следующим образом... – Луис запрокинул голову, прикрыл глаза и заговорил монотонной скороговоркой, какой обычно повторяют выученный наизусть текст: – «...Ромео на картинах молодого художника похож на разжиревшего лавочника, а трепетная Джульетта выглядит словно недавно умершая старуха из рабочего дома». Вот так-то, дорогая Айрис... А ведь *меня* никто не упрекнет в том, что я не владею кистью. Что касается вас, то... Скажу откровенно: если вы ждете от меня похвал, тогда вам лучше вернуться в этот ваш кукольный магазинчик.

– Я отсюда *не уходила* и не собираюсь этого делать, – перебила Айрис, но ее голос предательски дрогнул. Немного помолчав, чтобы собраться с мыслями (Луис все это время с любопытством наблюдал за выражением ее лица), она заговорила о другом: – А этот критик... мистер Диккенс, кажется?.. Он действительно так сказал про ваши картины? Я думаю... я

думаю, что, выскажись он подобным образом о *моих* работах, я бы его, наверное, ударила. Вызвала на дуэль. Если бы, конечно, я была мужчиной...

– Что ж, не стану скрывать: он таки основательно подпортил мне настроение, но потом я подумал: мы – я имею в виду наше братство – занимаемся новым искусством, мы *создаем* новое искусство, а на это требуется время. Что касается мистера Диккенса, то не его вина, а его беда, что ему нравятся только замшелые классики, скучные мазины, начисто лишённые воображения и не способные увидеть, насколько прекрасен мир вокруг. – Луис снова взял в руки рисунок Айрис. – Да, я назвал ваш набросок примитивным, и это действительно так, но позвольте мне объяснить, почему это вовсе не оскорбление. Как я уже сказал, вы интуитивно ухватили самое главное, – проговорил он, внимательно рассматривая портрет. – Да, вам не хватает техники, не хватает того, что обычно называют «школой», но и в рисунке, и в вас самой, несомненно, присутствует то, что называют «искрой Божьей». Признаться, я этого не ожидал! Я думал, что на ваших рисунках я увижу обычные скучные цветочки, причем по большей части такие, каких не существует в природе, но вы, оказывается, не боитесь работать с натурой, причем стремитесь изображать ее как можно честнее. Такой подход мне по сердцу. Да, вам недостает техники, мастерства, но ведь это дело наживное. И как раз с этим я мог бы вам помочь. – Увлечшись, Луис заговорил громче. – Возьмем, к примеру, то, как вы изобразили собственное лицо. На вашем рисунке оно такое же, как в жизни, хотя большинство начинающих художников на вашем месте удовлетворились бы идеализированным овалом. А нос-то!.. По правде говоря, у вас он вышел похожим на баклажан, но это только подчеркивает природную, естественную красоту оригинала! А ваши краски! Вы не боитесь использовать тот колер, который кажется вам наиболее подходящим, и, хотя ваши рисунки похожи на средневековый манускрипт с золотыми буквицами и затейливыми виньетками, изображение на нем живет.

Эти слова так сильно взволновали Айрис, что ей пришлось опуститься на стул и подсунуть под себя руки, чтобы он не видел, как они дрожат. К счастью, Луис ничего не заметил.

– Придвигайтесь поближе! – велел он, махнув ей рукой. – Я знаю, что вам пора возвращаться в вашу дурацкую лавку, но я обещал учить вас живописи и сдержу слово. Не волнуйтесь, наш первый урок будет недолгим. Смотрите... – С этими словами Луис поставил на стол одно из зеркал, предварительно сняв его со стены. Оно оказалось с выпуклым стеклом, и Айрис, поглядев в него, увидела, что в нем отражается чуть не вся студия, которая, при всем своем беспорядке и хаосе, показалась ей образчиком новой, еще неиспробованной жизни.

– Иногда я просто ненавижу эти зеркала, – сказал Луис. – Когда я гляжу в них, мне кажется, будто там, за стеклом, я вижу своего близнеца, изуродованного какой-то страшной болезнью. Но когда я пишу, выпуклое зеркало помогает мне увидеть мою натуру как бы в нескольких измерениях сразу. Согласен, это немного похоже на колдовство, но ведь живопись и есть не что иное, как самое настоящее чудо.

– Ох!..

Его голос зазвучал немного иначе, и Айрис показалось – она видит в нем мягкость и мечтательность, которых не замечала раньше.

– Вот одна из самых грубых ошибок, которую совершают практически все художники-любители, – сказал Луис. – Обратите внимание вот на эту впадинку под носом... Для передачи тени вы воспользовались розовой краской более темного оттенка, не так ли?..

Айрис посмотрела на свое отражение в зеркале. Их взгляды встретились, и она покраснела.

– Да, но...

– А теперь, смотрите внимательнее. На самом деле это не более темный телесный тон; тень у вас под носом складывается из синего, красного и желтоватого оттенков. То же касается и глаз. Они не просто зеленые – посмотрите внимательнее, и вы увидите, какой это глубокий цвет

со множеством переливов, оттенков... Кроме того, ваши глаза отчасти затенены ресницами, и это тоже нужно учитывать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.